

АНТОН

ЧИЖ

• опасная фамилия •

Антон Чиж
Опасная фамилия
Серия «Родион Ванзаров», книга 8

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6130176
Опасная фамилия: Эксмо; М.; 2013
ISBN 978-5-699-67343-8

Аннотация

Знаменитый полицейский Санкт-Петербурга, любимец дам Родион Ванзаров, едва переступив порог двадцатипятилетия, берется за очередное расследование: при щекотливых обстоятельствах зверски убит известный государственный чиновник. В убийстве подозревают его сына Сержа – успешного «бизнесмена», занимающегося строительством железных дорог. Кажется, перед нами классическое преступление на почве семейных конфликтов и Ванзаров – в шаге от поимки убийцы. Но раскрывая одно убийство, он вызывает к жизни старое, не завершенное расследование, начатое еще... Львом Толстым!

Содержание

1	4
2	12
3	17
4	23
5	31
6	44
7	48
8	54
9	62
10	66
11	74
12	79
13	92
14	94
15	106
16	108
17	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Антон Чиж

Опасная фамилия

1

– Однако как славно летит время. Не успеваешь оглянуться, как уже наступает нечто новое. Как это все-таки замечательно и чудесно: чувствовать бег времени, наблюдая за ним несколько философски, – говорил Степан Аркадьевич Облонский, более известный как Стива, в высшем свете двух столиц. Он устроился в плетеном кресле так, что но-

ги его в лакированных ботинках не касались мокрой от росы травы. Его холеное и немного располневшее тело, затутованное в модный этим летом цветастый жилет, возлежало на подушках, распространяя среди сада аромат бодрящего парфюма. — Сколько же лет прошло? Десять, нет, позволь, никак пятнадцать?

— Девятнадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать три дня, — отвечал Алексей Александрович. Не глядя на гостя, он сосредоточенно наблюдал за шевелением в кустах. Болтовня Стивы не мешала ему думать, хотя отвечал он всегда аккуратно, чтобы не обидеть невпопад сказанным словом. Поводки Стивы Алексей Александрович выучил так давно, что мог заранее угадать, что скажет его родственник.

Стива фыркнул, как упитанный мерин, и подправил узел галстука.

— Двадцать лет! Не может быть, — сказал он, впрочем, настолько мягко, чтобы показать удрученность и своей забывчивостью, и горестным воспоминанием заодно. — Как стремительно пролетели годы. Не проходило и дня, чтобы я не вспоминал нашу бедную Анну. Буквально каждую неделю. И Долли ее все вспоминает частенько.

Каренин не стал ставить в неловкое положение гостя. Он закрыл глаза, слушая, как ветки крыжовника потрескивают без ветра. Стива принял вежливое молчание за нахлынувшие воспоминания и смутился оттого, что испортил такое утро неловким словом. Надо было сменить тему, чтобы не

бередить рану, но Стива не нашелся, как избежать болезненных воспоминаний.

– Моя бедная сестра! Она ничего не увидела, – продолжил он, понимая, что не следовало бы этого говорить, но уже не в силах остановиться. – Ничего! Как это печально. Как вырос и возмужал мой дорогой племянник. Однако у Сержа такая коммерческая жилка проявилась, что просто чудо. Ни Сережу-маленького... Позволь, кем же он мне приходится? Если Сережа-маленький сын моего родного племянника, то он мне кто?

– Двоюродный внук, – ответил Каренин, прислушиваясь к шуму в кустах.

– Вот видишь! – воскликнул Стива, смахивая пушинку с лацкана. – Анна ничего этого не узнала. Она была бы бабушкой. Впрочем, Долли тоже бабушка, у Маши и Лили такие внуки чудесные, и она этим в целом счастлива. Как и должна быть счастлива женщина ее лет. Погружается в мелкие хлопоты с детьми. Признаться, никогда из них толком и не выходила. А вот мне как-то дико, когда меня называют дедом. Не могу к этому привыкнуть. И скажу тебе, Алексей Александрович, не хочу. Чувствую еще достаточно сил, чтобы жить собственной жизнью, не растворяясь в детях и внуках. Но тебе-то дедом ощущать себя проще.

Алексей Александрович не считал тему достойной обсуждения. Естественный ход вещей тем и хорош, что от него невозможно избавиться, хочешь не хочешь.... Желание че-

ловека здесь имеет столь же мало значения, как и в любом проявлении судьбы. Он неторопливо кивнул, чтобы Стива мог продолжить беззаботную болтовню.

– Да, летит время! – повторил Стива, словно его об этом просили. – Как хорошо у вас теперь в семье: мир, покой и гармония. Серж счастлив в браке, ты пользуешься почетом и уважением, вполне заслуженными... чего я искренне понять не могу. Как можно быть счастливым с одной женщиной: жена стареет, а ты еще полон жизни. Так все это запутанно... Да, что же я. И ты весь в почете прошлых дней, заслуженно почиваешь на лаврах. Только Анна всего этого не видит. Но не будешь же ты уверять меня, что оттуда... – Стива ткнул пальцем с тяжелым перстнем в напоздавшие тучи, – ...она все видит и следит за нами. Надеюсь, ты не фанатик.

– Ты знаешь мое отношение к религии, и я просил бы тебя не касаться этой темы, – ответил Алексей Александрович, пошевелившись в кресле и щелкнув пальцами. – Тебе же могу напомнить старую истину: копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Надеюсь, ты меня понял.

– Очень рад это слышать! – воскликнул Стива веселым победителем. – А то знаешь, теперь только и разговоров, что о потусторонних силах. Столько развелось любителей поговорить с загробным миром, что уже скучно. Меня тут как-то затащили к одному спириту, так знаешь...

– У вас в министерстве позволяют приходить на службу,

когда вздумается? – спросил Каренин.

Стива звонко хлопнул себя по лбу, обнаружив, что, заглянув по-соседски на утренний кофе, он не заметил, как опять пролетело два часа. Когда он доберется из дачного Петергофа, будет уже неприлично поздно.

– Все! Спешу немыслимым образом! – сказал он, лениво поднимаясь из кресла и с наслаждением потягиваясь, играя мышцами крепкого тела, тела мужчины, только-только шагнущего за пятьдесят. – Расцелуй за меня Сережу-маленького. Он такой очаровашка. Чудесный ребенок и так похож на Анну. Поверишь ли, Серж, когда был чуть постарше Сережи, тоже походил на мать, а теперь вот совсем другой, взрослый мужчина. Но Сережа – копия Анны. Он мне ее живо напоминает. Ах, Анна, Анна, как много горя ты нам принесла... Надеюсь, что Господь помилует тебя и простит тебе грехи твои. Так прощай же, Алексей Александрович, заглядывая к нам, старушка Долли будет тебе рада. Развлеки ее разговором, она и за то будет тебе благодарна.

Помахав чистой ладошкой, Стива отправился по тропинке, неторопливо переставляя ноги в лакированных ботинках и насвистывая легкий мотивчик. Каренин не провожал его взглядом. Его внимание занимали кусты. Там происходило что-то чрезвычайно важное, судя по тому, как резко вздрагивали прутики, покрытие клейкими листками. То ли зверек размером с зайца боролся с капканом, то ли птица запуталась в ветвях. Алексей Александрович терпеливо ждал.

Куст распахнулся, как занавес, из него выскочил мальчик лет семи, перемазанный землей, в порванной рубашке. Он еще не вынырнул из отчаянного приключения, какое выпало ему в глухой чаще, лицо его покраснелось, он тяжело дышал, но глаза светились озорным восторгом. Заметив взрослого, сидящего в кресле, он замер на полушаге, словно наткнулся на невидимую преграду, и так и стоял с раскрытым ртом и удивленным испугом на мордашке. Каренин поманил его к себе. Сережа потупился и стиснул драный край сорочки, что вывалился из панталончиков. Но подойти все же не посмел. Он знал, что такие шалости будут иметь печальные последствия.

– Молодой человек, разве вам нужно особое приглашение?

Голос деда был тонок, но суров. Такому нельзя противиться. Хочешь не хочешь, а берет он за шкуру и тащит, куда хочет. Сережа сделал шаг, как по льду, и заставил себя подойти. Из кустов выскочил его воспитатель, увидел, к чему привела его рассеянность, и предпочел остаться в стороне, не оправдывая недостойного поступка.

Сережа занял место в некотором позволительном отдалении, острые коленки деда смотрели ему в лицо строго и как будто с упреком. Так, что глаз поднять не было никакой возможности. Он знал, что заслужил суровый урок, и не было силы, которая спасла бы его. Деда Сережа видел редко, он всегда казался ему каким-то непостижимым существом,

воплощением самой дисциплины, правил и порядка, перед которыми мальчик был бессилен, и только нечастое появление Алексея Александровича в жизни Сережи спасало от того, чтобы он стал хорошо воспитанным мальчиком. Дед был настолько непостижимым существом, из какого-то невообразимого мира, что Сережа не мог для себя решить: любит ли его безмерно или боится до ужаса. Он по-своему старался проникнуть в глубину этой молчаливой загадки, которая скрывалась за всегда чистыми стеклами круглых очков.

— Как понимать ваше поведение, милейший Сергей Сергеевич? — сказал Каренин, приподняв подбородок преступника холодными пальцами. Он хотел напомнить, что молодому человеку надо больше времени уделять урокам, а во все не путешествиям по кустам. Намерениям его не суждено было осуществиться.

Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза Сережи смотрели на него дружелюбно и внимательно. Чернокурчая головка, взлохмаченная, с застрявшими веточками в волосах, запрокинулась. Алексей Александрович держал в ладонях это родное и такое знакомое лицо и не находил в себе сил читать нотацию. Какой в ней толк, когда чудо надо прощать уже за то, что оно есть. За то, что оно именно чудо.

Едва касаясь сухой ладонью, Каренин погладил непослушные завитки Сережи, с некоторым усилием нагнулся, троекратно расцеловал раскрасневшиеся щеки, пахнувшие

соком листьев, и легонько подтолкнул внука в плечо, тем отменяя наказание. От неожиданности Сережа не шелохнулся, не в силах угадать, какое волшебство спасло его от неминуемой грозы. Он улыбался победительно и нежно, смотря на Алексея Александровича взглядом, бесконечно смутившим его.

– Идите и займитесь уроками, молодой человек, – сказал он достаточно громко, чтобы напомнить учителю о его обязанностях. Сережу немедленно подхватили за локоть и увели.

Оставшись в одиночестве, Каренин погрузился в размышления, привычно сцепив пальцы замком. Больше всего ему сейчас требовалось душевное спокойствие и ровность мыслей. Но мысли вертелись запутанным вихрем, увлекая в опасные водовороты, о душевном же спокойствии можно было только мечтать. Внешне Алексей Александрович казался спокойным, как всегда, но это кажущееся спокойствие давалось ему с трудом, хотя за долгие годы он приучил себя скрывать чувства. Мира не было ни в душе, ни в сердце его. Хуже всего, что Каренин стал сомневаться в себе: хватит ли сил пережить все, что неумолимо надвигалось на него.

Майская ночь, светлая и тихая, растянула белесые небеса над столицей, укрыв улицы и проспекты особеннойлетней тишиной, что бывает в самой спелости белых ночей, когда окна открыты, воздух почти недвижим, свет не зажигают, его и так достаточно, и за каждой одернутой шторой кто-то сумерничает, разглядывая небо, дома или лениво хлюпающую воду Невы, мечтая о чем-то невозможном, вдыхая волны дневной теплоты, уносимые от брусчатки легчайшим ветерком.

Большая Морская улица, известная особняками и строгими подъездами с фонарями на цепях и швейцарами в ливреях, утонула в белых сумерках. Газовые фонари не горели, тротуары были темны и пусты. Редкие городовые на углах топтались в ленивом оцепенении. Изредка стучала колесами поздняя карета, или пешеход нетвердой походкой двигался домой. И опять становилось тихо и сонно.

На углу с Невским проспектом остановилась пролетка. С нее сошел худощавый господин невысокого роста в темном костюме, наглухо застегнутом под воротник, – возраст его или черты лица было разобрать едва ли возможно. Он заметно прихрамывал, как от застарелой болезни, на которую махнули доктора, а страдалец свyksя, передвигался медленно, при этом держась поближе к фасадам, но при этом уве-

ренно, явно знакомой дорогой. Миновав несколько домов и не замеченный городовым, впавшим в дремоту, он остановился у старинного дома с массивной резной дверью, темневшей стеклами теплого тамбура. Господин не притронулся к шнурку электрического звонка, а вынул ключ и провернул его на три оборота. Потянув за медную ручку, вытертую до блеска не усердием прислуги, а множеством рук, он вошел и плотно затворил за собой дверь. За тамбуром начиналась обширная прихожая с гардеробной направо и парадной лестницей. В левом углу еле виднелась приоткрытая дверь в швейцарскую, из которой доносилось раскатистое похрапывание.

В доме было темнее, чем на улице. Однако господин не кликнул швейцара и не зажег свечей в канделябре. Нащупав мраморные перила, он поднимался, занося вперед большую ногу. Ковер, натянутый на ступеньках, приглушал осторожные его шаги. Одолев два пролета, он оказался в бельэтаже, разделенном коридорами. Выбрав ближний, господин коснулся стены, чтобы не потерять ориентира, и двинулся, нащупывая путь. Он минул несколько дверных проемов и наконец добрался до нужных ему дверей. Они были не заперты. Зайдя и тщательно затворив створки, господин пошарил у портьеры и наткнулся на рычажок, которым легонько щелкнул. Комната залилась желтым электрическим светом.

Господин и не думал скрытничать, задерживая шторы на окнах. Свет их был приметен на всю улицу. Он тяжело опу-

стился в ближайшее кресло и огляделся. Кабинет содержался в строжайшей аккуратности. Пыль тщательно вытерта, хрустальная пепельница вычищена, ряды книжных корешков выстроены как по линейке, на письменном столе нож для бумаг, пресс-папье, чернильница и стопка бумаги занимали строго отведенные для них места. Только широкий ящик стола нарушал порядок — он был немного выдвинут. Господин легким толчком задвинул ящик. Теперь все было как надо.

Бронзовые часы с бойкими амурами отзвенели полночь. Господин с усилием поднялся с кресла, сильно оттолкнувшись от подлокотников. Первый шаг дался ему с трудом, уставшая нога подвела. Он поморщился, но отмахнулся от боли, не позволяя себе слабость. Уловив равновесие, постоял, собираясь с силами, потер высокий лоб, встряхнул головой, как бы отгоняя лишние мысли, и шагнул куда уверенней. Упорство его как будто вдохновлялось девизом: «Без

поспешности и без отдыха», что изрядно выручало сейчас.

Проковыляв к стене, на которой идеально прямыми рядами висели разнообразные снимки в золоченых рамках, он вынужденно оперся о стену рукой. Накатил приступ боли нестерпимой. Сжав губы, он не застонал, только поморщился.

– Ничего, ничего, бывали скачки и труднее, – сказал он вполголоса.

Ему потребовалось снять сюртук. Каждое движение отдавалось в ноге. Господин аккуратно повесил сюртук на спинку кресла и вернулся. Он еще расстегнул запонки, тщательно закатал рукава сорочки. Занятый своими хлопотами, он не обращал внимания на то, что делалось у него за спиной.

В кабинет вела еще одна дверь. Створка, затворенная неплотно, тихо вздрогнула и приоткрылась.

Господин этого не заметил. Он был занят трудным делом, на которое уходили все силы. Требовалась аккуратность, чтобы не испортить начатое. Он был так занят, что не услышал резкий щелчок, пробивший тишину комнаты. Только ощутив резкий удар, еще успел подумать: отчего это пол так стремительно летит напрямик в него. И как же такое возможно, чтобы ковер прыгал в глаза.

Чрево Царскосельского вокзала напоминало внутренности кокона гигантской бабочки. Ажурная сеть металлических балок, крашенных в грязно-зеленый цвет, сцепила несметное множество стекол-чешуек, сквозь которые падали столбы пыльного света, — казалось, крыша держится именно на них.

В этот час перроны пустовали. Редкие фигуры бродили между уступами арок, клепанных стальными заклепками наподобие переборок крейсера.

Кирилл Алексеевич зашел в вокзал не с главного входа, а сбоку, через багажное отделение, поднялся на третий этаж, прошел насквозь зал ожидания третьего класса и вышел из него в той части вокзала, где железнодорожные пути упирались в отбойники и начинались ряды перронов. Он вынул часы на крепкой цепочке и сверился с вокзальными. Часы шли точно. У него в запасе оставалось не менее получаса.

Оглядевшись, он поманил мальчишку-газетчика, лупившего чугунную тумбу каблуком. Раскрыв утренний выпуск «Листка», он, как обычно, начал с конца, просмотрел известия о бегах и результаты велосипедных заездов на велодроме в Стрельне, пробежал рецензии на последние спектакли, ознакомился с разделом городских происшествий и напоследок заглянул в официальные сообщения и депеши. Осведом-

ленный в том, что творится в городе, он каждое утро начинал с газет, сравнивая известные факты с изложением репортеров. Порой это его развлекало.

Сунув в карман газету, ставшую бесполезным мусором, Кирилл Алексеевич повел плечами и ощутил приятное чувство силы молодости, что бывает до некоторых лет. Не так давно ему исполнилось двадцать три, он служил, службой был доволен, и им были в целом довольны, так что не было причин для уныния. Да и вообще, это чувство ему было решительно незнакомо.

Юный граф Вронский имел тот счастливый характер, что позволял ему с легкостью относиться и к невзгодам, и к радостям. Невзгоды его были незначительны, а радости разнообразны и нескончаемы. Он давно и сразу усвоил, что человеку его воспитания, положения в обществе, окруженному родней и связями, особенно не о чем беспокоиться. Достаточно оставаться милым, приятным, славным и немного легкомысленным юношей, то есть таким, каким он и был на самом деле, чтобы все в жизни устроилось само собой. Случись трудная ситуация – и тут нечего беспокоиться, ему помогут выбраться с такой легкостью, какая не снилась простому смертному. Вся его жизнь наглядно показывала: нет таких преград, какие он не смог бы преодолеть, – при желании. Перспективы карьеры, немного туманные вначале, теперь снова сияли чистым горизонтом. Обязательства жениться и заводить семью над ним не тяготели. Он пребывал в том счаст-

ливом периоде жизни, когда кажется, что все вокруг служит одной цели: поставлять развлечения или забавные приключения. Вронский имел множество друзей и знакомых, на которых щедро тратил свободное время, частенько урывая его у службы, ради изучения все новых и новых развлечений. Он изыскивал новые забавы, — в столице на этот счет было много предложений, особенно для единственного наследника значительного состояния. Вронский щедро делился всеми радостями с друзьями, не жалея, за что его любили и ценили. Начальство смотрело на его легкомысленный образ жизни с возможной снисходительностью, не столько надеясь на будущие его заслуги, сколько отдавая дань заслугам его отца и дяди, заслуженных генералов в отставке.

Мимо прошла барышня в светлом платье, стрельнула глазками и задержала взгляд чуть дольше, чем полагается в публичном месте. Барышня засмотрелась не случайно. Вронский приманивал женские взгляды, не стараясь и не делая для этого ничего особенного. Невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом, всегда вызывал интерес у дам. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежевыбритого подбородка до костюма с иголки, все было просто и вместе изящно.

Кирилл Алексеевич в другой день непременно последовал бы за незнакомкой, — кажется, она была совсем не против, судя по манящей улыбке. Но сегодня это было невоз-

можно. Он был связан обязательством, если не сказать долгом. А что такое долг, Вронский знал отлично, поэтому он только вздохнул и улыбнулся не случившемуся.

На ближней платформе началось движение. Рабочие притащили ковровую дорожку и под команды господина в железнодорожной фуражке стали раскладывать ее по платформе, путаясь и расстилая не туда, куда требовалось. Снова скавав, они наконец угадали место положения, которое господин в фуражке лично отмерял шагами, и растянули ее вдоль перрона. Тут же у красного ковра был поставлен невзрачный господин, которому было приказано отгонять кого не следует. Что он и принялся исполнять с полным равнодушием.

Кирилл Алексеевич был настолько заинтригован, что поманил к себе дежурного жандарма. Рослый унтер-офицер как-то сразу поверил, что неизвестный господин в летнем пальто и с бутоньеркой имеет на это право. Подойдя, он убедился, что не ошибся, и отдал честь. Вронский дружелюбно расспросил его, что значат эти приготовления. Ответ его вполне удовлетворил. Нечто подобное он предполагал. Для его дела это никак не могло стать помехой.

До прибытия поезда оставалось еще четверть часа. Стоять на одном месте наскучило. У него был выбор между прогулкой по платформе или визитом в буфет. Смотреть на перроне было нечего, а водку с утра Вронский не пил. Еще раз осматривая перрон, он заметил несколько странных личностей, на которых не обратил внимания. Где-то вагона за два

от ковровой дорожки стоял одинокий встречающий. В фигуре и одежде его не было ничего запоминающегося, совершенно серый, неприметный тип. Странно было другое: человек этот не выглядел ни любящим супругом, ни слугой, ни отцом семейства. Даже букета нет. Ведет себя так, словно делать ему на перроне решительно нечего, забрел от скуки, да и только. Внимания не привлекает, для окружающих решительно незаметен.

Продолжая наблюдение, Вронский отметил еще одну невзрачную фигуру, застывшую в самом начале платформы. Что любопытно: третий незаметный субъект бродил мимо них тенью туда и обратно, при этом из всей тройки никто не делал малейшей попытки обменяться взглядами или оценить проходящего мимо. Что так естественно для скуки ожидания. Это было чрезвычайно интересно.

Вронский осмотрелся и сразу заметил еще двух господ, прятавшихся за зеленой аркой. Один из них был почти скрыт железной конструкцией, второй же выглядел откровенно нелепо: воротник пальто закрывает пол-лица, шляпа опущена до ушей, на носу черные очки. Лица его разобрать было невозможно, но это и не требовалось, – такой маскарад выдавал его с головой.

Все эти случайные господа, скорее всего, находились на вокзале по какому-то особому делу. В чем оно заключалось, Вронский и знать не хотел. У него и своих хлопот было предостаточно. Оставалось не обращать на них внимания и

завершить то, зачем пришел. Однако если этот поступок станет известен, а подобная глупая мелочь всегда становится известна, его не одобрят. В этом сомнений не было. Как ни жаль было оставлять поле боя, Вронский счел, что в данной ситуации лучше послушаться голоса рассудка, чем долга. И выбрать не самый приятный, зато наверняка правильный путь. Взглянув на вокзальные часы, он отправил газету в урну и неспешно пошел к залу ожидания третьего класса.

Госпожа Красовская, владевшая салоном модного и свадебного платья, изучила женский характер столь глубоко, что дала бы сто очков вперед любому профессору психологии. Ее салон был не самым дорогим в столице, но и не самым доступным, располагался не на помпезном Невском проспекте, а чуть подальше от него, на Кирочной улице, то есть предназначен был для клиенток особых.

Барышни и дамы, что заглядывали сюда, не имели безграничных возможностей для удовлетворения своих прихотей. Но и шить модные платья где попало уже не желали. Они хотели получить самое лучшее и модное, но за разумные деньги, и считали не зазорным поторговаться, радовались, если им уступали рублей шесть-семь, и могли заплатить не только помятыми банкнотами, но и мелочью. Чеков они не выписывали. Зато каждая клиентка, довольная ценой и обслуживанием, не только приходила еще, но и нередко рекомендовала салон подруге. Клиентки покидали Красовскую, только если мужа их неприлично быстро богатели на биржевых спекуляциях или получали место на государственной службе.

Но сегодня утром госпожа Красовская столкнулась с неожиданной загадкой. Такой клиентки у нее еще никогда не было. Барышне было никак не больше двадцати двух, лицо ухоженное и чистое, говорила с легким акцентом, да-

же немного равнодушно, как будто взрослая, опытная дама. Одета в строгое серое платье с воротничком под горло, какое среди барышень ее возраста считалось приличным для несчастных горничных. Особо занимал Красовскую резкий контраст между холодной бледностью лица и блестящими черными глазами, выдававшими, по ее мнению, страстную натуру. Вдобавок к таким страстным глазам барышня была черноброва и черноволоса и в целом удивительно хороша. И все же на красоту ее будто была наброшена вуаль, приглушавшая яркие черты. Кажется, сама она, представившаяся как Ани, не вполне осознавала, каким богатством владеет.

Красовская не могла взять в толк, откуда в Северной столице появился такой необычный цветок. Больше всего модистку смущало то, что Ани, не капризничая, сразу соглашалась на то, что ей предлагали. Впервые она видела невесту, которой было совершенно все равно, как выглядит ее подвенечное платье. Не какой-нибудь вечерний наряд, который и перешить можно, а платье, что одевается только раз и бережно хранится до старости, и, чего доброго, передается дочке или внучке. Разве можно быть равнодушной к свадебному платью?

Однако Ани не только не сообщила, о каком платье мечтает, не взглянула в модный журнал, но сразу же согласилась с первым нарядом, что вынесла Красовская. Модистка была так сражена поведением барышни, что посоветовала ей попробовать еще варианты. Ани согласилась. На второе и тре-

тье платье она была готова с такой же легкостью. Красовская не знала, что ей делать. С клиенткой не было ни матери, ни тетки, ни хоть какой-нибудь родственницы, с которой можно было посоветоваться, ни даже подружки. В угловом кресле сидел молодой человек, не иначе жених, который наблюдал за выбором платья с мрачным спокойствием. Он прекрасно владел лицом, но Красовская поняла, как нелегко это ему дается.

Чтобы выйти из затруднительного положения, Красовская решилась на чрезвычайный поступок: выбрать свадебное платье по своему усмотрению. Что и предложила в крайне деликатной форме. Ани и с этим была целиком согласна. Модистка разложила журналы парижских свадебных мод, но тут спутник Ани попросил оставить их на несколько минут. Что было очень кстати. Красовской требовалась передышка после стольких волнений.

Стоило модистке удалиться, плотно затворив дверь, Ани забыла про журналы и принялась смотреть в окно. Жених хотел было подойти и взять ее за руку, но руки ее лежали так спокойно, что трогать их он не решился. И только пересел на место, оставленное Красовской.

– Анна Алексеевна, быть может, вам здесь не нравится? – спросил он, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Я просила не называть меня так, если вас это не очень обяжет, Андрей Викторович, – ответила она, не отрываясь от окна.

– Как вам угодно... Ани. Позвольте мне кое о чем поговорить с вами.

Ани была готова как слушать, так и молчать.

– Я допускаю, что у вас не было возможности ознакомиться с нашими обычаями. Вы привыкли к другим порядкам. Вы слишком долго были оторваны от родины. Жизнь в столице требует определенных условностей. Мы живем в обществе и не можем игнорировать мнения общества. С другой стороны, ваше поведение, разумеется, выше всяких похвал, я не могу не оценить этого, – Андрей Викторович никак не мог поймать нужную мысль, и это приводило его в раздражение так, что он отбросил журнал.

Ани перевела на него глаза, блестящие чернотой.

– Вы можете сказать совершенно прямо, что хотите от меня, – сказала она.

– Не хочу, обстоятельства вынуждают, – ответил он, тщательно подбирая слова. – Поймите... Анна... Ани, мое положение таково, что требуется определенная значимость. Свадьба – это не только соединение двух сердец, это еще и важная часть моего служебного положения. Приглашены влиятельные лица, от которых зависит моя будущность, и нельзя не замечать этого обстоятельства. По жене судят о муже. Как у нас говорят. Вы меня понимаете?

– Что я должна сделать? – спросила Ани так, как не всякий послушный ребенок способен.

– Как это трудно, однако... Не думал, что вот так придет-

ся. Ну, что ж, скажу вам напрямик. Я стерпел, что вы указали на первый салон, мимо которого мы проезжали, даже не пожелав заглянуть в достойное заведение. Я стерпел, что вы выбрали самые простые кольца и отказались от всех украшений. Но немыслимо, чтобы вы были совершенно равнодушны к платью невесты. Что обо мне подумают! Ани, прошу вас одуматься. У нас принято потакать любым капризам невесты. Это самое счастливое и радостное время в жизни девушки. Любые желания ее немедленно удовлетворяются. И я готов...

– Я совершенно счастлива, – сказала Ани и отвернулась.

– Вы ведете себя немыслимо, – продолжил Андрей Викторович, не в силах остановиться. – Мало того, что ничего не просите, ни подарков, ни украшений, ни конфет, ни развлечений, так еще это! Если сами не можете решиться, у вас есть свояченица. В конце концов, обратитесь за советом к моей сестре или матушке. Только не экономьте! Всему же есть свой резон. Издержите столько, чтобы всем были видны мои... наши возможности.

Ани взяла верхний журнал, развернула его на середине и указала на модель со шлейфом. Голову модели украшала лучистая коронка с крупными камнями.

– Будет достаточно дорого для вашей невесты?

Андрей Викторович скрипнул зубами, но улыбнулся. Ему пригодился долгий опыт чиновничьего восхождения, когда надо уметь подстроиться к любой человеческой слабости

высшего начальника.

– Дорогая, если вам оно нравится, я буду счастлив...

– Вот и чудесно, – сказала Ани, бросив журнал. – Только прежде позвольте один вопрос. Или у вас не принято, чтоб невесты задавали вопросы?

Жених выразил покорность.

– Вот вы, господин Ярцев, упрекаете меня, что я равнодушна к украшениям и прочим радостям... Простите, но я не закончила... Благодарю вас. Вы упрекнули, что у меня нет желаний, приличных для невесты чиновника с такими перспективами, как у вас. Так вот, я желаю знать: вы меня любите, Андрей Викторович?

Ярцев оказался в положении человека, который ждал, что ему кинут мяч, а прилетел пудовый камень. Долгое молчание и поиск, что бы сказать, были самым худшим из ответов. Ярцев отчетливо понимал это, но на язык не шло ничего полагаемого в таком случае романтического или приятного для дамы.

– Разумеется, как же иначе, – быстро сказал он и сам почувствовал, насколько это должно выглядеть в ее глазах нелепо, и от того сильнее разозлился. – Как вы можете спрашивать меня об этом! – продолжил он с напором, каким старался стереть промашку. – Ежели я просил вашей руки, как может быть иначе...

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказала она тихо.

– Анна! Ани! Анечка... Что же вы такое говорите! Если

изволите... Да, я люблю вас, хотя мужчине в моем положении это не совсем прилично говорить в открытую, тем более в подобном месте. Вам этого достаточно?

– Андрей Викторович, вы умный человек, иначе не сделали бы карьеру на государственной службе. Прошу вас, подумайте и взвесьте еще раз: стоит ли то, что вам обещали, скучной и бесполезной жизни с нелюбимым человеком. Серой, лживой и, возможно, долгой.

– Кто вам сказал... – начал Ярцев, но вовремя сообразил, что любое продолжение будет хуже молчания. – Я буду самым счастливым человеком, когда вы станете моей женой, – сказал он. – У нас будет счастливая семья, которой все будут втайне завидовать. А вы станете чудесной супругой, я уверен.

– Стерпится – слюбится. Так у вас говорят? – спросила она.

Ярцев не нашелся, что ответить.

– Будем считать, что счастье – это привычка, – сказала Ани, вставая. – Выберите на свое усмотрение самое дорогое платье, здесь или в любом салоне. Я прибуду на примерки столько раз, сколько потребуется. Я действительно в этом ничего не понимаю. Сейчас мне надо идти. Пожалуйста, не провожайте, я возьму извозчика.

Она вышла так быстро, что Ярцев не успел даже встать перед дамой, а не то что раскрыть перед ней дверь.

Красовская, пребывая за стенкой, нашла ответ на свой во-

прос, но решила не появляться до тех пор, пока колокольчик в руке жениха не лопнет от натуги. А лучше всего – пусть он уйдет без прощаний. Такого клиента она потеряла бы без всякого сожаления.

В это утро Сержа раздражала любая мелочь. Шум и крики вокзала отдавались эхом и врезались в затылок занозой. Смех носильщиков в белых фартуках и с ремнями, перекинутыми через плечо, казался издевкой. Встречающие мельтешили перед глазами. Ковровая дорожка, расстеленная в начале перрона, у которой собралась толпа генералов и полковников вперемежку с господами в штатском, казалась глупой и неуместной. Но особенно – военный оркестр, тихонько продувавший трубы. Вонь солярки и сырого металла омерзительно лезла в нос. Его несильно толкнули и не извинились. На перроне уже собралась толпа встречающих, глазевшая на торжественное собрание военных. Через нее предстояло пробираться. Все это было глупо, ненужно и чрезвычайно досадно. И особо глупо, что забыл портсигар, и теперь желание выкурить утреннюю сигару настигло и саднило занозой. Всегда спокойный и сдержанный, Серж был близок к тому, чтобы спустить раздражение на первого встречного. Ему настолько не хотелось тратить время на такую ерунду, что, всегда пунктуальный до секунды, он чуть было не опоздал и появился на вокзале за десять минут до прихода киевского поезда.

Стараясь никого не задеть, он брезгливо пробирался по перрону, держась самого края, тем рискуя оказаться на

рельсах от сильного толчка. Цифры на перроне указывали остановку вагонов, до нужного оставалась дюжина шагов. Серж остановился, чтобы пропустить бесцеремонных господ, встречающих пассажиров второго и третьего класса, как всегда, крикливых и взволнованных, как будто их бесценные друзья и родственники потеряются или уедут обратно, если они опоздают хоть на пару мгновений. Он счел за лучшее оставаться, где стоял, поближе к официальной делегации, которой сторонились, дожидаться прибытия поезда и уже тогда подойти.

Серж заложил руки за спину и стал бесцельно смотреть по сторонам, но везде натыкался на что-то грязное, глупое или ничтожное. Иного и быть не могло. Он машинально повернулся влево и заметил, что из суеты перрона за ним наблюдают. Господин, что ощупал его цепким взглядом, тут же отвернулся. Но Серж был отчего-то уверен, что объектом наблюдения был именно он. Господин, позволивший себе такой вызывающий, по его мнению, поступок, был ему не знаком. С первого взгляда он казался крепким, ладно сбитым и скорее подтянутым, чем полноватым. Одет в добротный черный костюм, правильно облегающий тело. Перчатки тонкой кожи, строгая заколка в галстуке и легкая шляпа модного фасона говорили о том, что незнакомец если не принадлежит к высшему обществу, то, во всяком случае, держит себя джентльменом. Словно ощутив интерес, он повернулся и посмотрел Сержу прямо в глаза. И хоть между ними было не

менее десяти шагов, Серж смутился, отвел взгляд и окончательно разозлился. Было во взгляде незнакомца что-то такое странное, словно наставленный холодный клинок, который еще не коснулся горла, но при любом неловком движении вонзится без жалости. К тому же незнакомец был счастливым обладателем роскошных усов.

Серж упрямо смотрел на генералов и оркестр, но успел заметить рядом с усачом комический персонаж. Господин невысокого роста кутался в пальто до ушей, нацепил на нос черные очки и выглядел шпионом с газетных карикатур. Но нелепость его вида не отменяла тревожного чувства, что возбуждал его спутник. Серж ощущал затылком его взгляд, или так казалось. Посмотреть в глаза ему не хватило духу.

Паровоз устало свистнул и вкатился под крышу вокзала, кутаясь в клубы пара, как кокетка в меховом мантио. Замедляя ход, состав шел вдоль перрона. Самые нетерпеливые из встречающих побежали за ним. Произошла обычная в таких случаях суматоха, – к счастью, вдалеке от вагонов первого класса. Стоило паровозу встать, обдав перрон салютом пара, как генералы выстроились полукругом у подножки вагона, а оркестр грянул марш «на встречу», фальшивя в меди и духовых. Только барабаны били в такт.

Увидев, что его вагон встал, где надо, Серж позволил себе немного полюбопытствовать. Со ступенек сбежал проводник, стремительно протер поручни и исчез. А на верхней ступеньке уже появился полный генерал, строгий до послед-

ней щетинки седых усов. Он оглядел воинство, застывшее в почетном карауле, остался доволен и, лениво вскинув руку к козырьку, тут же взялся за поручни и стал боязливо спускаться. Несколько рук подхватили его и мягко поставили на землю.

Военные церемонии всегда развлекали Сержа. Но даже этот маленький парад не рассеял его хандры. Оркестр играл уж больно громко и отчаянно. Он пошел к вагону, из которого показались первые пассажиры. Неприятный господин с фальшивым инкогнито куда-то исчезли. Встав напротив выхода, Серж желал только одного: поскорее убраться из этой вокзальной кутерьмы.

Дама задержалась на верхней ступеньке, осматривая толпу поверх голов. Серж помахал, чтобы она его заметила, и шагнул вперед. Надежда Васильевна, в своем обычном жесте, чуть склонила голову к плечу и наконец улыбнулась. Придерживая юбку, она с опаской поставила ботиночек на ступеньку. Проводник подхватил ее под локоть и помог спуститься.

– Как мило, что вы здесь, – сказала она, разглядывая его и улыбаясь.

– Разве могло быть иначе? – ответил Серж. – Вы прислали телеграмму, просили вас встретить, как я мог поступить иначе. Первым поездом из Петергофа сюда.

– Как Сережа?

– И вот награда за мою преданность, – сказал Серж.

– Преданность? Ах, извините, я так устала в дороге, – ответила Надежда Васильевна, подавая руку в тонкой кружевной перчатке для поцелуя.

Серж коснулся губами тонкого кружева и, еще не разогнувшись, увидел рядом того самого неприятного господина, который теперь нагло пялился на его встречу с женой. Инкогнито держался у него за спиной и тоже, кажется, шпионил. Следовало бы проучить его, но под грохот оркестра, провожавшего маленького генерала, это показалось невозможным.

– Послать за вашими вещами в багажный вагон? – спросил Серж.

– Все в купе, – ответила Надежда Васильева. – Пусть заберут из третьего.

Серж понял, что попытка, от которой никуда не деться, продлится еще, и поманил носильщика. Надежда Васильевна оправила шляпку и улыбнулась. Надо было что-то говорить, все-таки они не виделись больше недели, но подходящий случаю легкий разговор никак не ладился, слишком мешало раздражение. Серж только улыбнулся в ответ. И стал тщательно смотреть по сторонам, чтобы ненароком не попасть в усатого господина.

В проеме вагона показалась молодая женщина в строгом дорожном костюме, в маленькой шляпке, под густой вуалью. В руках у нее была черная сумочка, вышитая бисером. Она остановилась на первой ступеньке, изучая толпу в поисках

того, кто ее встретит, но, не найдя, легко спустилась вниз. Проводник даже руки не успел подать. Стоило ей оказаться на перроне, произошло странное происшествие. Около нее объявились неприметные личности, словно возникли из воздуха, и схватили ее за руки так крепко, что она пошевелиться не смогла, хотя начала дергаться и вырываться.

– Пустите! – закричала дама. – Что вы себе позволяете! Господа, помогите!

Стоящие на перроне оборачивались. Несколько мужчин, кажется, готовы были вступить. Но тут неприятный господин, так и державшийся около Сержа, выступил вперед.

– Господа, кто ехал с этой дамой в купе? – громко и требовательно спросил он.

Послышались возгласы: «а что такое», «в чем дело» и про-

чье, но никто не отозвался. Сама же пойманная все еще надеялась вырваться и боролась с двумя мужчинами, извиваясь и громко постанывая.

– Повторяю вопрос: кто ехал с этой дамой? – еще строже спросил господин и повернулся к Сержу, глядя мимо него.

Надежда Васильевна опустила глаза.

– Если вам так угодно, с этой милой дамой в купе ехала я, – ответила она.

– Прошу проверить: что у вас пропало из сумочки. В первую очередь драгоценности, деньги, украшения, – потребовал неизвестный господин. Мистер инкогнито следил за происходящим у него из-за плеча.

– Да помогите же! – закричала дама в вуали и повисла на крепких руках.

Публика не отозвалась на призыв о помощи. Все внимание было приковано к Надежде Васильевне. Совершенно смутившись от такого публичного скандала, она торопливо раскрыла сумочку, поискала и быстро захлопнула.

– У меня ничего не пропало, – заявила она. – Отпустите мою соседку. Это становится неприличным.

– Прошу вас проверить еще раз, – не унимался господин. – Особенно перстень с левой руки.

Надежда Васильевна схватилась за руку, словно хотела защитить ее. И тут Серж заметил, что под перчаткой действительно кое-чего не хватает.

– Надя... – только и мог сказать он.

– Это ложь! Я ничего не брала, – закричала пойманная дама.

– Проверьте у нее в левом кармашке, – сказал господин.

К ней подошла барышня, по виду ничем не примечательная, и быстрыми, ловкими движениями стала ощупывать одежду.

– Какой позор! Как вам не стыдно обыскивать честную женщину! – кричала та на весь перрон, стараясь привлечь на свою сторону кого-нибудь из собравшейся толпы пассажиров и встречающих, сразу позабывших о своих делах.

Из левого кармашка был извлечен батистовый платочек. А вот из правого цепкие пальцы вынули перстень с крупным камнем, сверкающим кровавыми блестками.

– Прошу свидетелей запомнить для протокола, где был спрятан украденный перстень, – громко сказал господин.

Толпа стала редеть. Упоминание о протоколе явно умерило народное любопытство.

– Это ваш перстень? – спросил господин, протягивая его Надежде Васильевне, но не выпуская.

Она только кивнула и отвернулась, переживая такой скандал.

Серж поспешил исправить невежливость.

– Да, этот перстень принадлежит моей жене, – проговорил он, мучаясь на каждом слове. – Без всяких сомнений.

– Полагаю, вы с ним давно и хорошо знакомы, – сказал господин так, будто знал больше, чем говорил. – Фамильная

драгоценность?

– Перстень моей матери, я подарил его супруге в день нашей помолвки. Его можно получить обратно?

– Непременно. Только перед этим вам, а лучше вашей супруге, заехать в сыскную полицию и подписать кое-какие бумаги, – ответил господин и дал знак подручным, державшим даму.

– Не виновата я, не резала перстенька! – закричала она, слабо отбиваясь. Что не помешало подхватить ее и увести с перрона.

Серж понял, что обязан как-то выйти из неловкой ситуации. Он попросил господина отойти на пару слов. Все равно Надежда Васильевна утирала глаза платочком, а носильщик топтался в нерешительности.

Они отошли к краю платформы. Инкогнито увязался следом.

– Моя фамилия Каренин. Я бы хотел знать, кому засвидетельствовать не только свою благодарность на словах, но и, так сказать, более существенным образом. Эта вещь слишком много для меня значит. Я вам признателен и глубоко обязан. И поверьте, умею быть благодарным.

Господин протянул руку, в которой Серж ощутил скрытую силу. Взгляд его, до тех пор колющий, стал мягким и удивительно простым, если не сказать добродушным, светящимся мальчишеским задором.

– Какие пустяки, – сказал он. – Вашей жене не повезло

оказаться рядом с этой дамой в одном купе. Ах, да... Родион Георгиевич Ванзаров, чиновник для особых поручений при сысской полиции.

Серж был уверен, что никогда не встречал этого чиновника, но фамилия ему была странно знакома. Он еще раз выразил свою благодарность.

– Мои заслуги не так велики, как вы о них говорите, – ответил Ванзаров. – Лучше поблагодарите моего напарника, который первым заметил эту даму.

Инкогнито сдвинул черные очки к кончику носа и хитро улыбнулся. Серж сразу понял, кто перед ним. В газетах сообщалось, что в столице гостит кронпринц одной маленькой, но дружественной державы, известный любитель путешествий, охоты, приключений и тому подобного. Наверняка это он. Будучи светским человеком, Серж знал, как себя вести с особами королевской крови. Он склонил голову, но в то же время поклонился чуть-чуть, выказывая уважение к секретному статусу высокого гостя.

– Для меня большая честь оказаться в чем-то полезным вашей светлости, – сказал он по-немецки.

Инкогнито погрозил пальцем.

– Вы меня с кем-то путаете, – ответил он, впрочем, таким довольным тоном, что сомнений не осталось.

– Было очень приятно, господин Каренин, с вами познакомиться, но мы с коллегой... – Ванзаров отдал легкий поклон инкогнито, – ...должны спешить. Нас еще ждет незабы-

ваемое общение с дамой из поезда. Напомните вашей жене заглянуть к нам на Офицерскую¹, да хоть завтра до полудня.

– Только один вопрос! – попросил Серж, что ему тут же позволили. – Как вы узнали про перстень, господин Ванзаров?

– Ваша жена носит кружевные перчатки. Они так плотно облегают руку, что имеют свойство принимать форму руки и украшений, которые носят на пальцах. На левой руке перчатка была чуть вздута, но на пальце ничего не было. Простая наблюдательность.

– Поразительно, – честно признался Сергей Алексеевич.

– Я много чего замечаю, господин Каренин, – сказал Ванзаров и подмигнул. – Такая у меня странная привычка: наблюдать и делать выводы.

Он вежливо кивнул и пропустил инкогнито вперед. Чиновник полиции с кронпринцем бесследно затерялись в вокзальной толчее.

Носильщик уже вернулся из вагона и терпеливо дожидался с чемоданами на плече и шляпной коробкой, которую на всякий случай держал двумя пальцами.

Серж предложил руку, Надежда Васильевна взяла его под локоть, они пошли к выходу через главный зал вокзала.

– Поразительная история, – сказал он. – Мамин перстень...

---

¹ На Офицерской улице, д. 28, размещалось Управление сыскной полиции Санкт-Петербурга.

– Это просто чудо, – ответила Надежда Васильевна. – Никогда не думала, что полиция умеет так ловко ловить преступников.

Серж посмотрел на нее, но от замечания воздержался. Он вдруг вспомнил, где слышал фамилию Ванзаров. Ему рассказывали, что в столице появился новый сыскной талант, на который в Департаменте полиции возлагают чрезвычайные надежды.

Митя Левин имел счастливую наружность, унаследовав обаяние матери, урожденной княгини Китти Щербацкой, и прямогу и упорство отца. В мать Митя вышел стройностью тела и тонкостью рук, а от Левина взял упрямство, доходящее до фанатизма, и особую нервность характера, выражавшуюся в том, что мог взорваться неистовым бешенством по любому пустяку. Он мог ходить мрачный, понурый, что-то обдумывая и рассуждая сам с собой, а потом в один миг развить бурную деятельность. Беда Мити была в том, что с детства ему внушили слишком высокое мнение о своих талантах, — что случается с долгожданными первенцами. Митя так искренно верил, что дело, за которое он возьмется, должно неминуемо разрешиться полным успехом, что брался за любой проект. Как только проект проваливался с треском, Митя обвинял в этом кого угодно, но только не самого себя. Он считал, что делает все правильно, и мешают ему только обстоятельства, козни врагов да счастье конкурентов. Особенно его возмущала удача, что всегда была на стороне тех, кто, по мнению Мити, палец о палец не ударил. Таких счастливчиков он люто ненавидел, говорил о них в презрительном тоне и никогда бы не признался, что постыдно завидует их счастью.

Все эти мелкие враги были для него лишь сором, мусором

под ногами. Настоящий, закоренелый, жуткий, мерзкий и совершенно неуязвимый враг был у Мити один. Враг этот был столь успешен, что Мите оставалось только локти кусать, наблюдая, как враг его богатеет неимоверно, и все у него выходит, как будто родился в золотой сорочке. Враг этот повлиял на жизнь Мити, и потому с ним у Мити были давние счёты. Митя давно подумывал, как бы ловчее подобраться к тому источнику, что исправно кормит его врага. Для этого он предпринял нешуточные усилия. Он просил, умолял, унижался, и наконец ему помогли устроить приватную встречу с одним нужным чиновником.

С самого утра Митя не мог ни есть, ни пить, ожидая, когда наступит полдень. Около Министерства путей сообщения, где было назначено свидание, он прогуливался уже с час, не меньше. Когда до назначенного времени осталось каких-то пять минут, он счел, что может пойти в назначенное место. Поднявшись в отдел, ведавший строительством новых железных дорог, он спросил, где найти чиновника Михаила Вертенева. Ему указали на крохотную комнатку. Митя вежливо постучал, ему предложили войти.

Господин Вертенов оказался чрезвычайно приятным молодым человеком лет тридцати, гладкого вида, при исключительно мягких манерах. Он сразу вспомнил, что его попросили о встрече, и даже был польщен этим обстоятельством. Он разрешил называть себя по-простому Михаилом, на что Митя ответил взаимностью. Чиновник предложил чаю и во-

обще вел себя чрезвычайно дружелюбно. Теща Вертенева – Долли Облонская – приходилась родной сестрой матери Мити.

Семьи Левиных и Облонских находились в запутанных отношениях. Никакой ссоры не было, сестры любили друг друга, а Стива порой забегал к Левину по старой памяти. Но больших семейных встреч отчего-то не случалось. Возможно, виной тому был характер Константина Дмитриевича Левина, который говорил все, что думает, обо всех, без разбору. В результате Вертенева и Митя были лично не знакомы. В начале беседы они позволили себе несколько минут приятного общения, нащупывая родственные нити.

Злоупотреблять драгоценным временем чиновника Митя не рискнул и быстро перешел к делу. Проект его заключался в том, чтобы получать некоторую информацию, касающуюся железных дорог. Информация была столь ценная, что обладатель ее мог довольно быстро разбогатеть, имея определенную твердость характера и свободные деньги. Мите давно хотелось подобраться к лакомому пирогу, от которого враг его уже откусывал здоровенные куски. Мите же мало было собрать крошки с чужого стола, он рассчитывал проглотить сразу и много, обогатившись в один миг. Он искренне считал, что такое благородное желание Вертенева поддержит. Не без собственного интереса, само собой.

Выслушав Митю, чиновник печально улыбнулся.

– Это прекрасная мысль, Дмитрий, идея отличная, – ска-

зал он. – Вот только одно есть препятствие к осуществлению вашего плана.

– Какое же? Назовите! – потребовал Митя.

– Я ничего не могу, я связан вот так... – Вертенов показал руки, сложенные накрест. – Мой тесть и благодетель, Стива Облонский, является моим начальником. Без его ведома и согласия пальцем пошевелить не смогу.

– Но почему же?! Тут же столько может быть для вас выгоды!

– Потому что эта честь принадлежит совсем другому лицу. Вам известному.

– И ничего невозможно сделать?

Вертенов признался в полном бессилии, пока ситуация не изменится.

– А ежели я переверну эту проклятую ситуацию? – спросил Митя.

– Вот тогда и поговорим. Искренне рад началу нашего знакомства... – сказал Вертенов, изобразив улыбкой полную покорность судьбе.

Взяв извозчика, Серж с тоской наблюдал, как мужик, кряхтя и сопя, пытается увязать багаж половчее. Борьба с вещами закончилась полной победой веревки, которая в три обхвата перетянула чемоданы, и все равно они кренились так, что при повороте могли выскользнуть.

Терпение Сержа было на исходе. Надежда Васильевна поставила шляпную коробку рядом с собой, заняв весь диванчик, и ему пришлось сесть на откидную скамеечку напротив. Пролетка тронулась, чемоданы жалобно скрипнули, готовые вырваться на свободу.

Каренин ждал, что Надежда Васильевна расскажет о поездке, о том, как поживают ее друзья, и о прочих мелочах, которые обычно мало его волновали, но сейчас отчего-то стали важными и даже нужными для успокоения странной дрожи, никак не отпускавшей его сердце.

– Как же это могло случиться? – вдруг спросил он, совершенно не желая начинать подобный разговор.

Надежда Васильевна гладила пальчиками по фанерной крышке коробки.

– Нет, я не могу объяснить тебе этого, Серж, – ответила она, переходя на «ты», как всегда, когда они оставались между собой.

– Ты не почувствовала, как у тебя с пальца стягивают пер-

стеня?

– Наверно, я заснула или отвлеклась. Не представляю, когда она так изловчилась. Она была такая милая, мы так славнo болтали обо всем на свете. Я бы с нею объехала вокруг света и не соскучилась бы. Она одна из тех милых женщин, с которыми и поговорить, и помолчать приятно. Я и подумать не могла, что она воровка. Такое хорошенькое личико.

– Как же ее зовут?

– Кажется, Полина... Впрочем, она могла назваться выдуманнoм именем. А ведь показалась мне дамой самого лучшего воспитания.

– И все-таки не могу понять, – сказал Серж. – Как она могла тебя обмануть? Ума не приложу...

– Ты знаешь, как я дорожу этим перстнем, – ответила Надежда Васильевна. – Это не только память о нашей помолвке, но и память о твоей матушке, а это для меня священно...

– Да-да, конечно, спасибо Наденька. Когда ты надевала перчатку, разве не заметила, что перстня нет?

– Ах, боже мой! Серж, это было какое-то колдовство, не иначе. Я ничего не заметила, не обратила внимания, не мучь меня, пожалуйста, я страдаю не меньше тебя. – Надежда Васильевна отвернулась.

– Слышал, что ловкие мошенники умеют так пыль в глаза пустить, что и себя забываешь. Но не думал, что придется испытать это на себе, – сказал Серж. – Прости, забыл спросить: как твоя поездка.

– Алина собирается замуж. Только об этом и говорили.

– У нас тоже все благополучно. Сережа подрос, бегает по саду, гувернер еле за ним поспевает. В нем я невольно вижу черты матушки...

– Я по нему скучала. А кто в доме из прислуги остался?

– Только швейцар. Остальные в Петергофе.

– Это ужасно. Ни одной горничной. Придется пить чай в кофейне. Ладно, все равно сегодня вечером поедем в Петергоф.

– Господин Ванзаров ждет тебя завтра, – напомнил Серж.

– Ничего, если немного подождет. Я хочу увидеть сына. Кажется, вечность его не видела. Надо ему купить в городе подарков.

Пролетка подъехала к старинному особняку на Большой Морской улице. Извозчик взялся за борьбу с чемоданами. Каренин подал жене руку, чтобы сойти. Она сама подхватила шляпную коробку. Серж взялся за звонок и дергал так долго, что чуть не оторвал шнур, пока за стеклом не появилась заспанная физиономия Василия Лукича, бывшего гувернера, разжалованного в швейцары по возрасту и развившемуся пристрастию к спиртному.

Василий Лукич кланялся и бормотал что-то сумбурное, от него пахло застарелым потом и старым матрасом. Каренин дал извозчику чаевые, чемоданы внесли в дом, Надежда Васильевна отправилась привести себя в порядок.

– Хорошо, что все так счастливо кончилось, но это испы-

тание отняло у меня все силы, — сказал она, уходя наверх.

Серж тоже пошел наверх. В этот час ему бы уже следовало быть на службе или хотя бы поторопиться туда. Но он не спешил, из головы не шло странное происшествие, так внезапно начавшееся и кончившееся, и это необыкновенное везение, пославшее Ванзарова. Давняя привычка Сержа доводить любое дело до конца, любой задаче находить решение, сколько бы ни потребовалось времени, заставляла его в который раз анализировать происшедшее в поисках причины. Никаких логичных или осмысленных доводов он не нашел. И все же сошелся на одном: если позарятся на драгоценность, украдут хоть у спящего, хоть бодрствующего. Такой хороший урок следовало запомнить накрепко, могло пригодиться.

Все еще в раздумьях, он вошел и не раздернул шторы, чтобы впустить солнечный свет, а зажег электрический. Что-то в знакомой обстановке было не так. И хоть последний раз он заходил сюда третьего дня, Серж не мог понять, что же его смущает. Разгадка нашлась сразу: на спинке кресла висел сюртук. Сюртук был не его: ни по фасону, ни по размеру — он был явно маловат для крепкого и рослого мужчины. Пока семья была на даче, в доме раз в неделю убиралась приходящая горничная. Она занималась пылью и паутиной, к вещам не прикасаясь. Неужели Василий Лукич совсем уже сбился с правил и повесил свой сюртук в кабинете хозяина? Серж потрогал ткань, — она была добротной и не дешевой. Он взял сюртук и принюхался. Запах был удивительно знаком. Что

было совсем уж необъяснимо.

Захватив сюртук, Серж вошел в их общую с Надеждой Васильевной спальню. В нее можно было попасть еще из будуара супруги с противоположной стороны. Дверь в будуар была закрыта. Он и здесь включил свет. И оторопел, не веря своим глазам. Но беспомощность и слабость были глубоко чужды ему. С самого детства Серж воспитывал в себе силу и решительность в поступках. Еще не до конца понимая, что произошло, первым делом он бросился к двери будуара и тщательно запер ее на ключ.

– Серж, что ты делаешь?

Голос Надежды Васильевны звучал приглушенно. Он попросил ее не беспокоиться, отдыхать, переодеться, но оставаться пока у себя. Ему требуется кое-чем заняться. Двигаясь вплотную к стене, он вернулся к открытому проему двери и заставил себя посмотреть. То, что находилось перед ним, было так ужасно и так невозможно, что Серж не отвернулся, а смотрел и смотрел.

Наконец, он встряхнул головой и плотно затворил дверь в кабинет. Теперь следовало что-то предпринять. Привычка оценивать ситуацию, а затем совершать поступки удержала от первого, импульсивного шага. Серж заставил себя сесть, не замечая, что все еще держит сюртук, и прикинуть варианты. Их было не так уж много. Каждый из них не сулил ничего хорошего. Это происшествие было куда неприятней кражи перстня. Не так легко из него будет выбраться.

Еще раз прикинув шансы, Каренин выбрал решение, которое ему казалось не столько правильным, сколько логичным. Правильного решения не было. В наличии имелось плохое, очень плохое и катастрофическое. Из трех он всего лишь выбрал первое. Бросив сюртук на кресло, Серж подошел к телефонному аппарату, недавно установленному в его доме, снял с рычага черный рожок и прокрутил ручку вызова станции.

Сыскная полиция делила полицейский дом с управлением полицеймейстера 2-го Отделения столицы и 3-м Казанским участком. За неимением своих помещений для допросов всех задержанных отправляли в участок, где для этого держали отдельную комнату позади приемного отделения. Даму в вуали посадили на табурет перед письменным столом. Она закинула ногу на ногу и нервно покачивала ботиночком. Из пары филеров, задержавших ее, в допросной остался только Афанасий Курочкин, ростом достававший чуть не до потолка, но при этом имевший странное свойство растворяться в окружающей обстановке не хуже хамелеона.

Ванзаров пропустил вперед инкогнито. Престижная должность няньки при бездельнике выпала ему по чистой случайности. Иные чиновники департамента полиции готовы были отдать многое, чтобы иметь счастье сопровождать особу королевской крови. Здесь виделись большие перспективы для карьеры и уважения начальства. Ванзарову эта обуза была ни к чему. Три дня назад его вызвали в Департамент, где сообщили радостную новость: он выбран в качестве сопровождающего высокопоставленного лица. Ванзаров спросил, нельзя ли отказаться от подобной чести. Ему пояснили: отказаться можно, дело добровольное, но на прежнюю свободу и возможность выбирать дела тогда рассчитывать не

стоит. Или знакомить кронпринца с преступным миром Петербурга, или вся тяжесть службы чиновника сыскной полиции. Выбирать особенно было не из чего.

Кронпринц Леопольд оказался на редкость добродушным и компанейским малым. Он сразу обещал Ванзарову одну из высших наград своей небольшой страны и щедро раздавал золотые гинеи каждому, кто ему приглянулся. Первый день был посвящен визиту в ссылную тюрьму на Захарьевской улице. В Петропавловскую крепость принца на всякий случай вести не рекомендовали. А то, чего доброго, увидит политических заключенных. На Захарьевской содержалась публика мирная: воры, убийцы, бездомные. Все как один получившие срок и ожидавшие отправки в ссылку или на каторгу.

Леопольд заходил в камеру, при помощи Ванзарова расспрашивал о деталях и подробностях, удивлялся зверской простоте российских преступлений, награждал золотым и даже протягивал руку. Каторжные ее пожимали с некоторым сомнением, а вот что делать с диковинной монетой, понять не могли. И быстро сбывали их конвоирам за отечественный рубль. В новой камере повторялось все сначала.

Другой день был отдан делам более приятным: Леопольд отправился изучать публичные дома в Песках. Зная о такой слабости будущего союзника России, в 1-й и 2-й участки Рождественской части были отправлены строгие депеши: вычистить и подготовиться для приема высокого гостя. Что

и было сделано со всяческим старанием. Кронпринц остался в полной уверенности, что дело публичных женщин в России поставлено на невероятную для Европы высоту сервиса, заботы о простом клиенте и вообще санитарной гигиены.

Напоследок Леопольд пожелал участвовать в настоящем полицейском деле. Была организована внеплановая облава на бродяг, проведенная силами полиции и городских трех рот полиции. Однако прогулка по мусорной свалке Горячего поля не произвела на кронпринца впечатления. Он зажимал нос и просил Ванзарова поскорее его увести. И уже в отеле, после ванны с ароматическими маслами, он печально признался, что поездка чудесная, но вот не удалось поучаствовать в настоящем задержании преступника. Чиновник от министерства иностранных дел, тоже игравший в няньку, грозно блеснул глазами. Ванзаров предложил задержать весьма интересного преступника. По сведениям, он, вернее – она, как раз должна прибыть в столицу на «гастроли». Леопольд несказанно оживился, заявил, что пойдет в гриме, и соорудил из себя настоящего сыщика. Ванзаров аккуратно намекнул, что так он привлечет всеобщее внимание. Однако кронпринц был уверен в обратном.

Войдя в допросную, он первым делом освободился от маскарада, представ перед дамой во всем европейском лоске. Она сразу поняла, что должна делать. Откинула вуаль и улыбнулась настолько невинной и беззащитной улыбкой, что Леопольд шутливо погрозил ей пальчиком. Дама печально

потупилась, но так и посматривала за интересным молодым человеком с пушистыми бакенбардами в полщеки.

Ванзаров не стал утомлять кронпринца ведением протокола и прочими канцелярскими мелочами, а сразу приступил к представлению.

– Поздравляю вас, ваше... – начал он и был поправлен:

– Только Шмит.

– Разумеется, господин Шмит, – согласился Ванзаров, хотя они говорили по-немецки и понимать их было особенно некому. – Вам посчастливилось поймать звезду преступного мира России, большой талант, несравненную умницу и даже красавицу, аферистку и воровку Соньку-Брильянт, – сказал он и повторил по-русски: – Рады вас видеть, госпожа Брильянт.

Дама головы не повернула к полицейскому, что считала ниже своего достоинства, зато невинно и томно улыбнулась симпатичному иностранцу.

Леопольд был горд не меньше, чем в тот день, когда завалял в Африке слона.

– Ого! Сонька-Брильянт! Отличный выстрел! Мы будем ее пытаться? – с надеждой спросил он.

– Пытать? – переспросил Ванзаров, не вполне уверенный в том, что правильно понял Его Высочество.

– Конечно, пытать! Я читал, что в русской полиции пытки – самое обычное дело. Так давайте же начнем! Подайте мне какую-нибудь плетку...

– Извините, господин Шмит, телесные наказания в России отменены лет сорок назад, – ответил Ванзаров. – В нашей

полиции применяется словесный допрос, но никак не пытки.

Он хотел добавить, что даже политическая полиция позволяет себе распускать руки в исключительных случаях. Но вовремя сдержался. Такая информация для европейского сознания была излишней.

Леопольд откровенно погрузнел, как тюльпан на русском морозе.

– В таком случае пойдемте завтракать, – сказал он и слегка взбил бакенбарды. – От наших приключений у меня разгорелся аппетит. Куда поедем?

Ванзаров испросил разрешения закончить с дамой, все-таки протокол никто не отменял, а к господину Шмиту он присоединится чуть позже. Его светлость был не против. Подмигнув барышне, кронпринц отдал салют российской полиции и удалился, чрезвычайно довольный собой.

Ванзаров смог вздохнуть с откровенным облегчением. Даже филер Курочкин, по-прежнему незаметный, немного ослабил бдительность.

– Это кто же такой миленький? – спросила Сонька и невольно облизнулась.

– Обычный немецкий турист, – ответил Ванзаров. – Думать о нем не советую.

– Ой, да ты кто такой, мне советы давать? – Сонька оценила его взглядом от ботинок до усов. – Выглядишь, конечно, франтом, да усищи торчат. Этим уличных девок пугать. Я им не чета.

– Моя фамилия Ванзаров, если это вам что-то говорит.

Сонька несколько насторожилась и даже позу переменила, села ровно, без прежнего вызова. Эта фамилия была известна в воровском мире далеко за пределами столиц.

– Пугать меня будешь? – спросила она. – Так это зря.

– Зачем же это вы, госпожа Брильянт, или, если по паспорту, Матрена Федоровна Анучкина, мещанка Псковского уезда, в столицу пожаловали? Дело какое большое намечается? Так вы нам по секрету расскажите.

– Какой же капорник² о моем приезде насвистел? Узнать бы да потолковать...

– Мир не без добрых людей, желающих помочь закону и сыскной полиции, – ответил Ванзаров. – Зачем пожаловали?

– А ни за чем. Так, развеяться.

– Значит, не хотите по-дружески беседовать. Жаль. А мы бы с Филимоном про обруч, что вы так неудачно в купе сбондили³, могли бы вдруг забыть. И, скажем, отвезти на Царско-сельский вокзал, на поезд обратный посадить. Мое предложение остается в силе. Подумайте, что вам выгоднее: получить год каторги за воровство, которое вам славы не сделает, или...

Сонька презрительно фыркнула.

– Вот еще, глупости! Никакого перстня я не брала. Незачем на меня наговаривать, господин полицейский.

---

² Капорник – предатель на воровском жаргоне.

³ Обруч – перстень, сбондить – украсть.

– Вот и мы с Филимоном удивляемся, – горячо согласился Ванзаров. – Что это вас на такую мелочь потянуло. Для вашего-то размаха – сущий пустяк. Вещичка глянулась?

– Говорю же: не резала я перстень. Незачем он мне. Да и не идут моему облику такие украшения.

Ванзаров не мог не согласиться: воровка все равно остается женщиной. А такое старомодное украшение ее молодости никак не подходило.

Пора было заканчивать душевные беседы и оформлять раскрытие кражи, записав в дело, что задержанная отказывается от содеянного. Но тут в допросную заглянул чиновник и попросил господина Ванзарова к телефонному аппарату.

– Госпожа Брильянт, наша приятная беседа еще не окончена, – сказал он. – Оставляю вас в обществе милейшего Афанасия. Не скучайте!

Его наградили таким взглядом, что был бы из стекла – порез вышел бы глубокий.

Из рук городского Ванзаров принял телефонный рожок, к которому не совсем еще привык, и сказал в черный тюльпан амбушюра: «У аппарата». На том конце раздалась долгая и бурная тирада, которая была выслушана, не перебивая.

– Вы уверены, что хотите видеть именно меня? – спросил Ванзаров и, получив веские заверения, что иначе невозможно, и ему будут чрезвычайно обязаны, и прочее, и прочее, ответил: – Хорошо, сейчас буду. Раз так близко, на Большой Морской.

Стива перебрался со всем семейством из Москвы в Петербург лет десять назад. И ни разу не пожалел об этом. Столица всегда освежала его после московской затхлости, здесь в нем просыпались энергия и жажда деятельности. Москва, несмотря на свои *cafes chantants* и омнибусы, была все-таки стоячее болото, а Петербург физически приятно действовал на Степана Аркадьевича. Он молодил его. В Москве он поглядывал иногда на седину, засыпал после обеда, потягивался, шагом, тяжело дыша, входил на лестницу, скучал с молодыми женщинами, не танцевал на балах. В Петербурге же он всегда чувствовал десять лет с костей. Светское общество приняло его благосклонно, перед ним открылись двери всех лучших домов.

Но важнее всего, что Стива получил место в Министерстве путей сообщения. Должность его была достаточно высока, чтобы не быть обременительной. Кроме солидного жалованья, она приносила такой легкий и значительный доход, что Стива мог наконец ни в чем себе не отказывать, щедрой пригоршней черпая удовольствия столицы.

Сойдя с поезда на Царскосельском вокзале, он подумал, что неплохо было бы прогуляться до службы. Погода стояла чудесная, он чувствовал себя молодым и полным сил, мир казался таким ярким и солнечным, что для скуки в нем не

осталось места, а вот для развлечений и счастья – сколько угодно. Он не заметил, как ноги сами повели его по набережной реки Фонтанки не в правую сторону, где возвышалось здание министерства, а налево, к Вознесенскому. На проспекте, в одном из доходных домов, Стива содержал квартиру, в которой поселил юную балерину, очаровательную, свежую, отзывчивую и аппетитную, как московский калач. Балерина была столь благодарна за опеку своему благодетелю, что он имел право навещать ее в любой час. Даже не захватив вина и конфет.

Стива перешел мост и тайком улыбнулся. Он уже воображал маленькие шалости, до которых с годами стал большой любитель. Что же до службы, то Стива резонно предположил, что его зять и помощник, Миша Вертенов, все сделает, везде успеет, а ему останется после обеда подписать только бумаги. В самом деле, раньше обеда, а вернее, уж после него, и появляться незачем. И так все устроится. Что удивительно, относясь к службе как к досадной помехе жизни, полной развлечений, Стива умудрялся быть у высшего начальства на лучшем счету. К тому же со всеми начальниками пребывал на дружеской ноге и чуть ли не на «ты». Так что мог себе позволить приходить, когда ему вздумается.

Он уже видел дом, который манил куда больше, чем строительство железных дорог. Стива прибавил шаг. Он поглядывал по сторонам, отмечая симпатичных барышень и прилично одетых господ, чтобы не пропустить какую-нибудь

новую моду. Остановившись у перекрестка, чтобы перейти проспект, Стива оглянулся, сам не зная для чего, как это бывает порой на шумной улице. Что-то случилось с его зрением. Ему показалось, что ясный день почернел, звуки стихли и он оказался под стеклянным куполом, отделившим его от прочего мира. Увиденное было столь невероятно и невозможно, при том совершенно реально, что его пробрал озноб. Сердце бешено заколотилось, и в глазах у него потемнело.

Стива схватился за горло, боясь, что ему не хватает воздуха. Наваждение длилось только миг. Окружающий мир обрел привычные очертания. Только Стива не мог понять: действительно видел то, что так напугало его, или это подсознание выкинуло с ним фокус, и все ему только пригрезилось. Он старался разглядеть в толпе то лицо, но оно исчезло. Мелькали лица прохожих, ехали пролетки. И не было никакого повода верить своим глазам. Но Стива был уверен, что видел натуральный призрак среди бела дня.

Происшедшее столь сильно подействовало на него, что он забыл, куда шел, и повернул в другую сторону. Все еще находясь под воздействием страха, ощущая, как колотится сердце, Стива пытался договориться с собой, найдя хоть какое-то объяснение. Вот только все доводы, разумные и верные, бледнели, как только память возвращала ему увиденное. Нет, положительно это был призрак.

Вместо того чтобы успокоиться, Стива убедил себя в этом настолько, что не мог и подумать о возвращении на службу.

Ему требовалось оказаться в каком-нибудь шумном, людном месте, где подают ранние, но обильные обеды. Сейчас ему особенно захотелось супа Мари-Луз с крошечными пирожками, что сами таяли во рту, каких в Петербурге отродясь не делали. Не было здесь московского заведения Дюссо, и этим столица сильно проигрывала Первопрестольной, по мнению Стивы. Но сейчас он готов был и на толстобокые финские пирожки с наваристым бульоном. Лишь бы забыть этот озноб.

Дожидаюсь у парадных дверей, Каренин перебирал в голове множество вариантов: с чего начать и как получше объяснить то, что предстояло ему предъявить. Он слышал, что полиция бывает крайне подозрительна в подобных ситуациях. Начинать с оправданий, заранее доказывать свою невинность – только возбуждать еще худшие подозрения. Не зная человека, с которым ему предстояло войти в непростые отношения, Серж помнил цепкий взгляд, что поймал на вокзале. Такой характер нельзя настраивать против себя, но и нельзя показывать ему свою слабость. Они ведь едва знакомы. Чудо, что он вообще согласился приехать. Так и не найдя нужного подхода, Серж подумал, что будет ориентироваться по обстановке.

Ванзаров приехал на обычном извозчике, дал мелочь и спрыгнул легким, тигриным скоком. Он был все так же элегантен, от заколки для галстука до ботинок.

– В чем причина такого нетерпения, господин Каренин? – спросил он, приветственно приподняв шляпу.

Вопрос Сержу показался трудным. Начало явно не задалось.

– Прислуги в доме нет, все на даче в Петергофе с моим сыном, только что швейцар остался, – начал он и понял, что слишком торопится, слишком много говорит ненужного, а

Ванзаров смотрит на него без всякого выражения, словно ждет, когда он выдохнется или сделает глупость. Неприятное и тревожное чувство.

– Благодарю, что не заставили рвать звонок, – только и ответил Ванзаров.

– Вот сегодня на вокзал приехал, прямо с дачи жену встречать, только вот с вокзала приехали...

Серж болтал еще что-то, и от этого ему становилось нестерпимо стыдно. Он видел, что ведет себя как нашкодивший гимназист, который перед учителем выгораживает проступок, сбиваясь на глупые объяснения. Такой растерянности он давненько не испытывал.

– Я уже понял, что вас не было дома, – сказал Ванзаров. – Так значит, говорите, прямиком с дачи на вокзал?

– Именно так, – согласился Серж. – Но только, видите ли, в чем дело...

– На вокзал вас жена телеграммой вызвала.

– Телеграммой, да... Но откуда вы знаете?

– Подслушал на перроне, – сказал Ванзаров, улыбнувшись чистой и невинной улыбкой. – Надеюсь, не в обиде?

– Нет, несколько... Видите ли, я прежде должен кое-что пояснить...

– Может быть, пройдем в дом, и вы покажете мне, что случилось?

Серж заторопился, резко отворил дверь и сам же в нее вошел первым. С каждым шагом, приближавшим его к тому

месту, он все менее владел собой. Как ни пытался держать себя в руках, выходило плохо. Ему все казалось, что Ванзаров его уже в чем-то подозревает и, чего доброго, – обвиняет. Ванзаров же шел по мраморной лестнице, заложив одну руку в карман брюк, вертя головой и, кажется, с интересом изучая дубовый потолок и массивные подсвечники по стенам.

Каренин почувствовал, как ладонь его вспотела, когда он взялся за дверную ручку кабинета, быстро дернул на себя, пропуская гостя, и постарался незаметно отереть о брючину.

Ванзаров встал посреди кабинета, разглядывая стену.

– Это и есть ваше чрезвычайное обстоятельство? – указал он на широкое пятно, вылезшее на обоях.

Серж поначалу не понял, о чем его спрашивают, но, увидев, что пропало, не сдержался и застонал.

– Еще и это! Да что же такое!

– Ценная картина? Рубенс? Рембрандт? Айвазовский?

– Простите, столько всего сразу... Немыслимо... Картина? Нет, картина ценная для меня. Это портрет моей матери в молодости. Писана в начале семидесятых годов тогда известным художником, а ныне почти забытым. Не в этом дело...

– Ваша матушка умерла примерно лет двадцать назад.

– Ох, полиция, уже успели о моей семье справки навести! – Отчего-то Сержу стало и противно, и мерзко, что посторонний человек взял и влез в то, что составляло и его боль, и его тайну.

Ванзаров повернулся, имея вид чрезвычайно серьезный.

– Уверяю вас, господин Каренин, что у меня не было ни времени, ни желания совать нос в ваши дела.

Сержу показалось, что прочли его мысли, словно раздели донага.

– Как это возможно? – только спросил он.

– Только наблюдения и выводы. Портрет написан лет двадцать пять назад. Вам около тридцати. Кольцо, которое вы, а не она подарили вашей жене, было подарено лет восемь-десять назад, когда вы вступили в брак. Значит, вашей матушки к тому времени уже не было в живых как минимум лет десять. Чтобы юноша сделал девушке такой подарок, он должен был вырасти без матери, но помнить ее, – то есть вы потеряли мать в возрасте семи-восьми лет. Получаем, что умерла она примерно двадцать лет назад.

– Извините, – сказал Серж, убедившись, что болтали о новом таланте сыска не напрасно. Господин этот как в воду глядит.

– Думаю, что смогу ее найти, – сказал Ванзаров. – Во всяком случае, раму от нее.

– Для меня это не так важно...

– Ну, отчего же, раз приехал. Вон, уголок торчит. Позвольте извлечь... – Не дождавшись разрешения, Ванзаров подошел к канопе, на котором хозяин кабинета частенько полеживал с сигарой, и вынул из-за спинки золоченую раму. – Что и следовало ожидать...

Посередине пустой рамы свисала веревка, на которой картина когда-то держалась на стене. От самого полотна остались пустое место и неровные обрывки. Ванзаров рассматривал их, чуть прищурившись, отчего кончики усов его настороженно приподнялись.

– Прошу вас, это не имеет значения, – попытался отвлечь его Серж.

– У вас украли более ценную картину?

Серж приоткрыл дверь в спальню и щелкнул электрическим выключателем.

– Загляните сюда...

Ванзаров повел носом не хуже гончей, бережно вернул раму туда, где она стояла, и зашел в проем. Пробыл он в спальне немного дольше, чем рассчитывал Серж. Когда же вернулся, затворив за собой дверь, по лицу его невозможно было понять, о чем он думает.

– Лучше бы у вас украли все картины, – только сказал он.

– Что мне делать? – от бессилия спросил Серж.

– Где ваша жена?

– Она еще не знает, я попросил ее не выходить из будуара. Из него можно попасть в спальню. Дверь ее закрыл на ключ... Это чудовищно, я просто не знаю...

– Возможно, – оборвал его Ванзаров. – Что там трогали?

– Даже близко не подходил. Только по стенке до той двери добежал...

– Как сюртук с тела оказался у вас на рабочем столе?

Серж машинально оглянулся. Действительно, забыл, что бросил сюртук на стол.

– Я ничего не трогал, – повторил он. – Когда вошел сюда, сюртук висел на спинке кресла. Я его снял, не понимая, откуда он взялся, и с ним вошел в спальню. Потом вернулся и, кажется, бросил на стол. Уже не помня себя.

– Однако вы хорошо и четко все помните. Даже то, что «не помнили себя».

– О чем вы? – насторожился Серж.

Ванзаров дружелюбно улыбнулся, что в подобной ситуации выглядело не столько странно, сколько раздражающе тревожно.

– Кто та девушка, что лежит рядом с вашим супружеским ложем?

– Я понятия не имею! – сказал Каренин, приложив руку к сердцу.

– Не знакомы?

– Никаким образом!

– Никогда ее не видели?

– Повторяю, господин Ванзаров, я малейшего понятия не имею, кто...

– Это я уже слышал. Пожилого господина не менее шестидесяти лет, что привалился к ней ничком, опознать можете?

Серж опустил в кресло. Если бы сейчас пол провалился, или потолок упал, или случилось что-нибудь, что усугубило нелепость его положения...

– Разве сами не видите? – тихо сказал он. – Вы же выводы на лету делаете.

– Вижу, но хочу от вас подтверждение иметь, – ответил Ванзаров.

– Это мой отец, как вы уже догадались. Каренин Алексей Александрович, член Государственного совета в отставке. Награжден за службу государю орденами, Александра Невского получил незадолго до отставки. От дел отошел давно. Живет... жил напряженной интеллектуальной и духовной жизнью. И вот такой конец...

– Господин Каренин проживал с вами?

– Хотите спросить: это его дом? Да, вы правы. После нашей свадьбы с Надеждой Васильевной он оставил его нам, сам же снимал квартиру поблизости, тут через три квартала, на Гороховой.

– Вот как? Интересно, – сказал Ванзаров.

– Что же такого интересного вы нашли в этой трагедии? – Серж знал, что не должен настраивать Ванзарова против себя, но не мог удержать нахлынувшего раздражения. – Разве такая нелепая смерть может быть интересной?

– Это с какой точки зрения на нее посмотреть. Например, интересно, что вы, курящий сигары, забыли про них. На вокзале не курили, пока ехали – тоже, а тут уж было не до сигар. Но ведь так успокаивает нервы. Почему же не закурили?

Серж и сам не мог ответить на этот вопрос. Действительно, про сигары забыл так, словно не курил никогда. Стоило о

них напомнить, как ему нестерпимо захотелось затянуться. Он спросил разрешения, в ответ ему предложили потерпеть. Как изощренное издевательство.

– Что же теперь делать?

– Вызывать полицию, – последовал краткий ответ.

Лет двадцать назад княгиня Бетси Тверская блистала на небосклоне петербургского высшего общества. Не было мужчины, который бы не пал к ее ногам, помани она пальчиком. Она жила бурной жизнью, в которой позволяла себе все, что хотела. Бетси никогда не думала о старости и о том, что за все приходится расплачиваться. Счет был предъявлен ей внезапно. Бетси стремительно слеpla, и ни один врач не смог ей помочь. Кончилось тем, что она погрузилась в полную темноту. В первые недели несчастья Бетси хотела покончить с собой. Но вдруг обнаружила, что, потеряв зрение, приобрела новые качества. Теперь она умела видеть характер человека так ясно, как будто он стоял перед ней на исповеди, и могла управлять им, как куклой. Ощущение было не менее острое, чем светский флирт. Она научилась определять, что чувствует и даже что думает пришедший к ней, направлять его мысли и желания туда, куда ей хотелось. Это позволяло устраивать необыкновенные игры, переплетая и сталкивая людей. Игры эти доставляли ей столько удовольствия, что стали смыслом ее жизни. Так что в своем доме на Малой Морской улице она жила веселой вдовой. Еще она научилась различать людей по шагам.

Бетси сидела в большом кресле в гостиной и уже знала, кто пришел. В прошлый раз эту барышню представил давний

посетитель ее салона Серж Каренин, пояснив, что Ани Шер его дальняя родственница, провела всю юность в Швейцарии, вернулась на родину, и он взял над ней дружескую опеку. Услышав торопливые шаги барышни, Бетси улыбнулась, предчувствуя новую игру, где роли еще предстояло раздать. Но задумка была хороша. Она уже знала, сколько получит удовольствия.

Ани вошла, и Бетси встретила ее ласково, – попросила только подойти поближе. Взяв руки девушки в свои, она, не касаясь кожи, подушечками пальцев прошла около ее лба, глаз, подбородка, мимо груди и бедер. Ани не выказала нетерпения или стыдливости.

– Вы красивы, – задумчиво сказала Бетси, демонстрируя на лице задумчивость. – Вы напомнили мне одного человека из прошлого. Вы так странно похожи... Черные волосы, блестящие глаза...

– Разве вы можете знать, как я выгляжу? – спросила Ани излишне прямо и честно для светской барышни. Она не понимала, откуда эта дама могла знать цвет ее волос.

– Для того чтобы видеть настоящую красоту, глаза не нужны. А вы поистине прекрасны. Я предлагаю вам свою дружбу... – Бетси протянула к ней обе руки, Ани с благодарностью их коснулась.

– Мне не с кем здесь поговорить, – сказала она, садясь как можно ближе к хозяйке, словно та плохо слышала. – Я совершенно чужая...

– Как же ваш опекун? Или вы ему не доверяете?

– Серж? – спросила Ани, словно не сразу понимая, о ком речь. – Он лет десять меня не видел и не особо волновался о моем существовании. Пока я ему не понадобилась.

Такая откровенность была приятной неожиданностью. Бетси уже поняла все про этот характер. Хотя Ани и так ни-

чего не скрывала.

– Ваш опекун всего лишь типичный Каренин, взял все дурное, что мог, у своего отца. Не стоит об этом переживать... Но скажите, дорогая, что именно тревожит вас?

– Мне предстоит выйти замуж, а я не люблю будущего мужа, – ответила она.

Бетси коснулась ее пальцев и погладила их, как бы утешая.

– Дорогая моя, нелюбимый муж – меньшее из зол, что может доставить вам жизнь. Уж поверьте старой слепой старухе... – проговорила Бетси, слегка усиливая каждую «с», и сделала паузу, чтобы барышня могла ей возразить. Она очень любила это выражение, которым пробовала гостей. Но Ани молчала, что тоже было необычно. Все прочие принимались убеждать, что княгиня вовсе не старая, стыдливо умалчивая про слепоту. И она продолжала: – Вы еще убедитесь, как удобно жить с нелюбимым человеком. Относитесь к нему как надежной финансовой основе ваших желаний, да и только. И ни в чем себе не отказывайте. Вот вам пример. Мой муж собирал гравюры и не видел дальше своего носа, пока не умер в полном счастье, уверенный в моей верности. А я веселилась, как могла. И знаете, что поняла, прожив в свете? Для того, чтоб узнать любовь, надо ошибиться и потом поправиться, обсыпав свое лицо пудрой.

– Я постараюсь это запомнить, – очень серьезно ответила Ани, так серьезно, что Бетси невольно подумала: уж не глупой ли вышла девочка из швейцарского пансиона. Но от

этой мысли она отказалась сразу.

– Относитесь к вашему браку как к началу приключений. Я вам помогу, введу вас в свет. Такое сокровище не должно заточать в семейном кругу.

– Пока мне смертельно скучно...

Бетси чуть шевельнулась, слушая еще далекие шаги в прихожей. Она улыбнулась своей мысли, подумав, что судьба порой переплетает свои нити так ловко и замысловато, как и ей самой не выдумать: развлечение будет исключительным.

– Вашей скуке пришел конец, – сказала она, изображая губами загадочную улыбку.

– Поверю вам на слово, – ответила Ани.

– Верьте только своим глазам... – Бетси указала ей на вошедшего.

Вместе с молодым поручиком в мундире жандарма в комнату ворвался ветерок страсти и азарта. Бетси это умела чувствовать в движениях воздуха.

Вячеслав Иванович послужил в армейской пехоте и много чего повидал в жизни. Кругозор его несравненно расширился на службе в полиции. Для охраны порядка ему был вверен спокойный и аристократический 1-й Адмиралтейский участок, занимавший значительную территорию в самом центре столицы. Кажется, служба должна идти неспешно, происшествий мало, – разве что заезжий извозчик задавит торопливую кухарку. Однако в полицейские отчеты пристав Цихоцкий то и дело вписывал такие происшествия, от которых у его начальства приятно стыла кровь в жилах. Убийства, грабежи и прочие посягательства на жизнь и достаток честных граждан случались с печальной регулярностью. Грабили на улицах, убивали из ревности, или бурления страстей, или по причине пьянства ничуть не реже, чем на какой-нибудь рабочей окраине, хоть на Выборгской стороне. Особенно донимали пристава квартирные кражи. Участок как магнитом притягивал охотников за столовым серебром и дорогими украшениями. Дома были как на подбор, стоило постараться, чтобы набить карманы жемчугом и золотыми колечками. Сезон краж начинался вместе с дачным сезоном, когда господа разъезжались на природу, оставляя квартиры и особняки под присмотром скучающей прислуги, что открывало перед жуликами неограниченные возможности к обогащению.

нию. Справиться с этой напастью было невозможно. Не помогали ни городовые, которые гоняли подозрительных личностей, ни личные проверки пристава.

Получив вызов из известного ему дома по Большой Морской улице, Цихоцкий подумал, что стряслась обычная неприятность. Швейцар спал и не слышал, как забрались в форточку. Хозяева вернулись с дачи и обнаружили, что в вещах изрядно покопались. Тем более что хозяина пристав знал отлично и даже старался поддерживать с ним дружеские отношения, лично поздравляя с престольными праздниками. Понимая, что найти украденное будет непросто, Цихоцкий готовил оправдательную речь, но для солидности и успокоения господина Каренина поднял в ружье весь участок, то есть всех трех чиновников. Пристава немного смущало, что вызов пришел от сыскной полиции, которая каким-то образом оказалась на месте раньше него. Прикинув возможности господина Каренина, Цихоцкий счел, что на такое нарушение правил можно закрыть глаза.

Войдя в дом, он степенно поздоровался с хозяином, выразив ему сочувствие тяжкими вздохами и сопением. Видя бледность и несколько отсутствующий взгляд господина Каренина, пристав догадался, что украли нечто ценное. И заботливо спросил, что случилось. Ему указали – пройдите наверх. Поднимаясь по знакомой лестнице, Цихоцкий прикидывал варианты: украшения жены, ценные бумаги или что-то из фамильных драгоценностей. Войдя в кабинет, при-

став встревожился. Нехорошее предчувствие возникло не от встречи с сыскной полицией. Этих господ Цихоцкий знал отлично. Он никак не ожидал столкнуться лицом к лицу с самим Ванзаровым.

Слава об этом господине разошлась по участкам. Одни его бранили, другие называли выскочкой, третьи – наглым и вздорным господином. Но никто не мог отрицать, что лучшего сыщика нынче в столице нет. К тому же особое его положение и близость к высшим сферам, о которой болтали всякую глупость, приподнимали господина Ванзарова над грешной землей, ставя на высоту, не достижимую для пристава. На всякий случай полковник отдал честь господину на два чина младше него. В ответ получил дружескую улыбку, неожиданно крепкое рукопожатие и предложение заняться осмотром места преступления, только не очень усердствовать, иначе господин Лебедев голову оторвет.

Пристав прекрасно знал: если ожидался приезд самого Лебедева, значит, все чрезвычайно серьезно. Дело принимало нехороший оборот. Чиновники, толпившиеся позади, пришли к такому же выводу, вели себя тихо и несколько скованно. Цихоцкий спросил, куда пройти. Ему указали на спальню.

Цихоцкий вошел и пожалел, что не подготовил нервы к такому сюрпризу. Зрелище, представшее ему и чиновникам, потерявшим способность дышать, было немыслимо и невообразимо. Не столько само по себе, сколько невозможное в

этом доме и с его владельцем. Пристав готов был год искать все украденное имущество господина Каренина, лишь бы не смотреть на такое.

Середину спальни занимало широкое супружеское ложе, застеленное и не тронутое. Между ним и стеной оставалось достаточно места, чтобы поместиться креслу с туалетным

столиком. Пол застелен толстым персидским ковром. На ковер этот и смотрел весь личный состав участка. Там лежала молоденькая барышня, выставив подошвы ботинок к приставу и слегка подвернув шею. Одета в легкое платье светлой материи, на которой коряво расплзлось бурое пятно. Рядом с ней, будто прижавшись в поисках тепла, запрокинув подбородок и уставив в потолок остекленевшие глаза, лежал пожилой мужчина, которого пристав знал лично. На белой сорочке старшего Каренина виднелось такое же бурое «украшение».

Самое простое объяснение происшедшего Цихорский принять никак не мог: слишком он уважал эту семью. Толкнув чиновников, Цихоцкий вышел в кабинет, где Ванзаров занимался глупейшим делом: тщательно осматривал письменный стол и ящик.

– Что прикажете нам делать?

Ванзаров не счел нужным отвлечься от разглядывания ножа для резки бумаги.

– Все, что обычно, – ответил он. – Составляйте протокол осмотра места, снимайте показания со свидетелей. И так далее.

– Каких свидетелей? – усомнился пристав.

– Господин Каренин. Пока он свидетель. Его супругу не мешает опросить. Не стесняйтесь выяснять любые подробности. В наличии имеется также швейцар преклонного возраста. И вообще, пристав, следствие ведете вы.

– Благодарю вас, – сказал Цихоцкий, желавший оставить эту честь за сыскной знаменитостью. – А как же вы?

– Я здесь дожидаясь господина Лебедева, – ответил Ванзаров. – Ну и так, наблюдаю.

Приставу показалось, что ему еле заметно подмигнули. Он не был уверен: случилось это на самом деле или нервы разыгрались. В любом случае Цихоцкий не понял: или его приглашали в соучастники, или просто издевались.

– А вот и наш долгожданный, – сказал Ванзаров, услышав шум, доносившийся снизу. – Пойду встречу, а вы пока начните потихоньку, только тела не трогайте и лучше в спальню не заходите.

Как это исполнить, пристав решительно не понял.

Ванзаров спустился как раз, когда господин Лебедев уже вынул из портсигара короткие, грязно-черные сигариллы, предлагая угоститься ими Каренину.

– Аполлон Григорьевич, в доме и так несчастье, – сказал он. – Пожалейте живых, здесь еще дама имеется.

– А что такое? – громогласно заявил Лебедев. – Вот этот милый господин мне разрешил. Вы же хозяин дома? Вот, отлично. Вижу, сами сигарки любите, а у меня отличные. Редкие. Никарагуанские. Угощайтесь!

Серж потянулся было за черной шапочкой, торчащей из серебряного футляра, но Ванзаров предупредил, что за последствия он не ручается. Особенно за запах, который может произвести на Надежду Васильевну неизгладимое впечатле-

ние.

– Кстати, она еще не выходила? – спросил он.

– К счастью, нет, – ответил Серж.

– Раз курить не дают, пойду туда, где мне никто не будет указывать, – сообщил Лебедев, пряча портсигар и подхватывая желтый чемоданчик потертой кожи. – Где у вас тут симпатичные трупы, господа?

Впечатление, которое он производил на неподготовленные души, было неотразимым. Серж уставился на него, не в силах что-то сказать. Ванзаров легонько подтолкнул криминалиста на лестницу, отчего тот еле удержал равновесие, и что-то прошептал на ухо.

– С кем не бывает! – гаркнул Лебедев, птицею взлетев наверх. Из кабинета послышались раскаты грома, павшие на головы участковых чиновников.

Серж уселся на мраморную ступеньку и уставился в мозаичный пол.

– Давно не припомню случая, чтобы я испытывал столь полную беспомощность и растерянность перед внешними обстоятельствами, – сказал он, словно разговаривая сам с собой.

Ванзаров сел рядом с ним на холодный камень.

– Что вас больше расстроило: смерть отца или потеря портрета вашей матери?

Серж оторвался от мозаики и заглянул в холодные голубые глаза чиновника для особых поручений.

– А вы как считаете? – спросил он излишне спокойно.

– Я не спрашиваю, как вы переживаете потерю близкого человека, это вполне очевидно, – ответил Ванзаров. – Меня интересует, какие у вас были отношения с отцом.

– Разве это имеет отношение к тому, что случилось?

– Возможно, имеет самое прямое.

– Каким образом?

– Обычно в таких ситуациях вопросы задаю я, – сказал Ванзаров и улыбнулся, что показалось Сержу наглым и бесчеловечным. – Однако, учитывая ваше душевное состояние и то, что вы уже столько часов не курили, кое-что поясню. Для вас двойное убийство является чудовищным и не помещающимся в рамки человеческого понимания. Но есть другая сторона. Если посмотреть с точки зрения полицейской статистики, в этом преступлении нет ничего исключительного, редкого или загадочного. Ну, или почти нет.

– Хотите сказать, в Петербурге часто убивают и бросают трупы в чужом доме? – Серж постарался, чтобы ирония его была отчетлива.

– Это бы стало большим сюрпризом для градоначальника. Двойные убийства встречаются не часто. Другое дело, как было совершено убийство. Варианты можно сосчитать по пальцам одной руки. Или это совершил кто-то третий. Или...

Сержу бросили мячик, ему предлагалось проявить немного сообразительности, но сегодня он не в силах был его от-

бить. Мячик пролетел мимо.

– Это очевидно: кто-то из них застрелил другого и покончил с собой, – закончил Ванзаров.

Смысл наконец проник в сознание и вспыхнул сырой пептардой. Ко всему прочему, этот господин предлагал Сержу не только версию потери отца, но еще и позор.

– Извольте предположить, что мой отец, почетный и уважаемый человек, привел в мой дом девицу, застрелил ее и потом застрелился сам? Это вы мне хотите предложить? – спросил Серж с отменной выдержкой. – Благодарю за оказанную честь.

– Зря обижаетесь, Сергей Алексеевич, – ответил Ванзаров, вставая с холодной ступени. – Это предположение ничуть не хуже появления третьего стрелка. Или вы предпочли бы, чтобы вашего отца убила эта девица, а потом сама застрелилась от несчастной любви?

Серж щелкнул суставами пальцев, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего.

– Вот вы приняли мои теоретические выкладки как личное оскорбление, – продолжил Ванзаров как ни в чем не бывало. – А ведь они всего лишь подтверждаются опытом. Появление третьей фигуры куда менее вероятно.

– Почему же? Что тут невозможного?

– Очень сложно. И малообъяснимо. В любом случаеждемся выводов господина Лебедева. Когда будут найдены улики, можно строить гипотезы. В этом преступлении я не

вижу неразрешимых загадок, – сказал Ванзаров и добавил: – Ну, или почти не вижу. За исключением одной.

– Я не готов сегодня к интеллектуальным развлечениям, – признался Серж.

– Исчезновение картины. Никак не вписывается в двойное убийство. Тут есть над чем подумать.

– Вот и займитесь! – потребовал Серж.

– С удовольствием. Поэтому мне нужно знать о ваших отношениях с отцом.

– Хорошо, что вас интересует.

– Правда.

Нельзя было подумать, что в сказанном есть хоть что-то кроме интереса сыщика. И все же Каренину показалось, что в этом вопросе кроется что-то еще, ему не понятное.

– В детстве я его боялся, – сказал Серж то, что не рассказывал никому, сказал просто и без всякой подготовки, сидя на ступеньке лестницы собственного дома. Признание вышло слишком просто и легко. Возможно, этот человек незаметно на него подействовал, подействовал так, что захотелось исповедаться. – Отец мало уделял мне внимания, все был на службе. Он казался мне строгим, сухим, требовательным. В нем мало было человеческого. Я привык, что отец был где-то далеко на вершине, до которой мне не дотянуться. Но после того, как... – он внезапно остановился и, собравшись, продолжил: —...умерла матушка, между нами произошло сближение. Отец вскоре ушел в отставку и занялся моим

обучением. Я многое от него взял. Он стал мне и советчиком, и другом. Внешне он был все так же строг, я не помню, чтобы мы целовались, разве на Пасху. Но я всегда мог обратиться к нему за советом и помощью.

– А сочувствием?

– Что? Каким сочувствием? Сочувствие нужно слабым людям, которые не знают, как им жить. Я не такой человек. Отец научил меня добиваться своего и не допускать слабостей. В чем-то мы очень похожи, но в целом я совершенно другой человек. Отец дал мне главное – уверенность в своей силе.

– Кто же та девушка? – спросил Ванзаров.

– Намеряете, что это его любовница? – Серж неискренно усмехнулся. – Уверяю вас, что это невозможно. Скажем так: отец всегда был очень строгих правил. Он глубоко религиозный человек.

– Отчего же не женился?

– Этого вопроса я бы предпочел не касаться, – ответил Серж. – Он глубоко личного свойства. Прошу вас понять.

– Кому мог понадобиться портрет вашей матери?

Каренин опять щелкнул пальцами, что выдавало высшую степень его раздражения.

– Я не могу этого понять. Если бы Ани понадобился, я всегда бы сделал ей копию.

– Ани? – переспросил Ванзаров, повторяя ударение на «и».

– Моя младшая сестра. Она – Анна, но просит называть себя на итальянский манер. Она получила воспитание в Швейцарии, в пансионе. Отец счел, что без женской руки не сможет должным образом воспитать девочку, и отвез ее за границу. Она изредка приезжала, но теперь...

– Очень интересно, – поддержал Ванзаров.

– Ани приехала две недели назад, и вскоре она выходит замуж. Не знаю, как быть со свадьбой... Еще мое тридцатилетие... Как это все некстати.

– У вас с ней непростые отношения?

– Напротив. Ани выросла очень спокойным и цельным человеком. Тиха и послушна. Как и хотел отец. Мы сможем наверстывать упущенные годы. Они с мужем будут приезжать к нам в гости...

– Значит, ей пригодился бы портрет... Простите, как звали вашу матушку?

– Анна Аркадьевна... Да, Ани обожает мать до того, что часто видит ее во сне и мысленно с ней беседует. Если бы она попросила, я бы тут же сделал копию портрета.

– Барышни не всегда признаются в своих желаниях, – сказал Ванзаров. – Кстати, когда вы уехали с дачи?

Серж несколько задумался.

– Первый дачный поезд отходил, кажется, в семь ноль-ноль.

– Вы на нем приехали?

– Разумеется. Карета осталась в Петергофе.

– Вчера ваш отец был на даче? – спросил Ванзаров.

– Да, дача принадлежала ему.

– Я спросил несколько иное: господин Каренин вчера был в Петергофе?

– Насколько я помню, – ответил Серж, опять созерцая пол.

– В котором часу он уехал в Петербург?

– Целый день я занимался Сережей – это мой сын, за отцом не следил. У нас достаточно просторно. Он мог уехать когда угодно.

– У господина Каренина был ключ от дома?

– Наверное, – ответил Серж.

Ванзаров благодарно кивнул.

– Остается узнать, как в дом проникла эта милая и неизвестная барышня.

Серж чувствовал, как этот беспощадный человек тянет из него жилы и нет сил сопротивляться. А ведь мучения только начинались. Впереди предстояло еще много чего, о чем сейчас он и думать боялся.

– Возможно, эту загадку поможет нам разгадать господин Лебедев, – сказал Ванзаров, заходя на лестницу. – Слышу, что он уже заскучал. Позвольте маленький совет: никогда не угощайтесь его сигарками, если жизнь дорога вам.

Бетси позвонила в колокольчик. Вошла горничная и взяла ее под руку. Бетси старательно хромала, изображая согбенную годами старуху. Молодой человек подождал, пока она не вышла из гостиной, и хитро подмигнул.

– Как вы думаете, милая Бетси настолько слепа, как хочет казаться? – спросил он.

– Я мало ее знаю, граф, – ответила Ани.

– Прошу вас! – воскликнул граф Вронский. – Никаких этих глупых титулов. Мы с вами слишком молоды, чтобы думать о них. Для вас я только Кирилл. А ваше имя просто очаровательно. Позвольте так вас и называть: Ани.

– Хорошо, – согласилась она без жеманства. – Вы служите в кавалерии?

Вронский был очарован таким простодушием.

– Почему вы решили, что это кавалерийский мундир?

– Мне так кажется.

– Это великолепно! Сразу видно, что вы давно не жили в России... Хотя это прекрасная мысль... – Вронский даже хлопнул в ладоши.

– Я приглашаю вас завтра в Петергоф на конную прогулку. У меня есть прелестная лошадка, достаточно смирная даже для не слишком опытной наездницы.

– Благодарю вас. Но в пансионе мы брали уроки верховой

езды.

– Вы совершенно очаровательны! – сказал Вронский, не веря, что в конце девятнадцатого века еще остались красивые, но честные барышни. – Так как насчет завтра?

Любая столичная особа тут же воспользовалась таким случаем: проявить слабость и позволить обучить ее езде. А эту так воспитали в Швейцарии, что лучше и придумать нельзя. Никакого кокетства.

– Я сам выберу для вас амазонку.

– Завтра мне будет удобно, – сказала Ани. – Мне как раз надо навестить кое-кого в Петергофе.

– Что? У меня уже появился соперник? – Вронский встал в позу шутливой угрозы. – Назовите его имя, и я вызову его на дуэль!

– Это всего лишь дальний родственник... Давно не виделись.

– В таком случае я решительно требую, чтобы родственник подождал еще немного. Мы будем кататься ровно столько, пока вам не надоест. А потом...

– А потом посмотрим, – сказала Ани, вставая. – Не знаю, что за лошади в России.

– Обещаю: останетесь довольны! – Вронский поцеловал ей руку, излишне долго задержав у губ. – Так, до завтра, милая Ани. Не знаю, как доживу до утра...

В кругах Министерства внутренних дел вообще и столичной полиции в частности Лебедев достиг таких высот авторитета, что приближаться к сияющим вершинам рисковали немногие. Неудержимый характер, огромный рост и крепкое телосложение позволяли Лебедеву безнаказанно и дураком обозвать, и по шее огреть, невзирая на чины. Ходила история, как он отколошматил одного пристава, посмевшегося уничтожить улику. Не менее яркое впечатление производила история городского, поленившегося дойти по свежим следам и взять преступника с поличным. Городовой был за просто выброшен в реку Мойку, из которой его доставали всем участком. Начальство старалось Лебедева избегать, понимая, что польза от него неизмерима, а вред скорее психологического свойства. Бешеный характер, требовавший деятельности, как паровоз угля, заставлял его трудиться порой по двадцать часов в сутки, шефствовать над картотекой антропометрического бюро, куда заносились все преступники столицы, и лично выезжать на место преступления. Правда, для этого преступление должно было быть достойно высокого посещения.

Пристав Цихоцкий счел за лучшее увести чиновников от греха подальше, то есть в коридор перед кабинетом, где они, сбившись в кучку, обсуждали, что же такого необыкновен-

ного можно найти на двух трупах. Всем страсть как хотелось хоть одним глазком взглянуть на работу знаменитости, но рисковать своей шеей желающих не нашлось. Из спальни не доносилось ни звука, можно было подумать, что криминалист трудится в полной тишине. Но тут раздался львиный рык, и громоподобный глас потребовал подать ему Ванзарова. К счастью пристава, бежать за ним не пришлось. Ванзаров уже закрывал за собой дверь кабинета, делая предостерегающий жест и незаметно подмигивая приставу. Цихоцкий понял его прекрасно и следом не пошел.

Аполлон Григорьевич возвышался посреди кабинета, его походный чемоданчик, с которым он не расставался, стоял в ногах верным псом. Криминалист сложил руки на груди и грозно взирал на вошедшего.

– Ванзаров! – провозгласил он с патетическим нажимом. – Отчего, если вы приглашаете меня поглядеть на хорошенькую женщину, так она обязательно мертва? Нельзя ли сменить привычку, да!

– Чем же вы недовольны, мой милый ворон? – отвечали ему. – Живых у вас и так предостаточно.

– По вашей милости, в самом деле, как ворон в падали копаюсь!

– Комплимент я сделал вашему новому и, в целом, роскошному костюму замечательно черного цвета, совсем не имея в виду издержки вашей профессии.

Лебедев обрадовался, как барышня, покрутился на месте,

показывая, как хорошо проточена спинка, как нежно облегает жилетка и как точно сделаны рукава, чтоб пропускать вперед полоску сорочки.

– Неплохо, да! – сказал он. – Завелся у нас в столице английский портной, так я сразу к нему. Надоели все эти немцы...

– Может, и меня чем порадуете, – напомнил ему Ванзаров об его обязанностях.

Аполлон Григорьевич вальяжно устроился на канаве, за которым скрывалась рама, и пригласил Ванзарова сесть рядом. Тот предпочел постоять.

– Дело, надо сказать, скучное, – начал Лебедев. – Если бы не вы, ноги бы моей здесь не было. Самое примитивное убийство. Барышня получила две пули непосредственно в сердечную мышцу шагов с двух-трех, судя по следам пороха. Одной было достаточно, но вторая была, так сказать, для гарантии. Смерть наступила примерно двенадцать часов назад, то есть около десяти часов вчерашнего вечера. Ну и с пожилым господином практически никаких проблем. Все очень похоже.

– Нашли хоть какое-то подтверждение романтической версии?

– То есть он в нее выстрелил, а потом покончил с собой? – спросил Лебедев. – А сами как думаете?

– Ни малейшего шанса, – ответил Ванзаров.

– Это почему же?

– Во-первых, человек, который хочет совершить убийство из страсти, а барышню только ради этого и можно лишить жизни, не станет аккуратно вешать пиджак на кресло и закатывать рукава сорочки. На рубашке я не разглядел частичек пороха. Да и револьвера рядом с ним не было. Но это хоть как-то объяснимо. Например, оружие могли забрать. Для меня главное, что тело его перетащили отсюда в спальню. Разве не так?

– С чего взяли? – Лебедев был строг, если не сказать суров.

– Под ножкой диванчика, на котором вы сидите, лежат револьверные гильзы, скорее всего, их выронили, когда разряжали оружие. Само положение тела говорит о том, что его тащили. На ворсе ковра следы затоптались, но при желании разглядеть можно.

– Нет, не затоптались, а их затоптало стадо баранов! – вскричал криминалист и, тут же погаснув, тихо добавил: – Стоило меня дергать. Сами все знаете и справились бы.

– Нет, не справился, – сказал Ванзаров. – Мне нужен ваш исключительный глаз. Можно ли считать версию номер два доказанной?

– Это ту, где обоих перестреляли, а старика к девице подложили? Никаких сомнений. При всем желании он не смог бы засадить в себя две пули. Кстати, убийца имеет характерный подчerk. Вот это... – Лебедев продемонстрировал пару стреляных гильз, – ...я нашел рядом с телом барыш-

ни. Ваша версия о небрежности отпадает. Наш пострел стреляет не только метко, аккуратно и тщательно, делая второй выстрел для гарантии, но и любит выбрасывать из барабана пустые гильзы. Такая чисто охотничья манера: выпалить из двустволки и сразу выбросить гильзы.

– Вот как? Интересно, – сказал Ванзаров. – На что ставите, где оружие? Приз: обед у Палкина.

– Я – на кровать, – крикнул Лебедев и выбежал в спальню, не дожидаясь контрольной ставки. Вернулся он довольно скоро, отряхивая брюки и пиджак от пыли. – Нет. Странно, – сказал он.

– Тогда я попробую. – Ванзаров подошел к пузатой вазе, стоявшей на опасно тонкой консоли, засучил рукав и залез в нее по локоть. Раздался тихий металлический звон фарфора. Из вазы появился новенький наган с перламутровыми вставками на рукоятке. Он обнюхал ствол и отщелкнул барабан. Эжектор выбросил ему на ладонь четыре пустые гильзы и два снаряженных патрона.

– Опля! – только и сказал Лебедев.

– Парные вазы имеют привычку ставить зеркально друг другу. Трудно предположить, что в таком аккуратном кабинете одна из них окажется сдвинутой к окну.

Восторга Лебедев не выразил и сдаваться не собирался, отдавая призовой обед.

– Чистый обман, как и вся ваша логика! – заявил он. – Сунул нос раньше меня и делает вид, что сообразил. А вот

я нашел кое-что стоящее... Личность пожилого господина, как я понимаю, установлена?

Ванзаров подтвердил и даже указал, что это бывший член Государственного совета в отставке, удостоенный множества наград.

– А про барышню тоже все знаете? – спросил Лебедев.

– Без вас не стал заглядывать в ее сумочку.

Открыв походный чемоданчик, криминалист достал бархатный мешочек, вышитый блестками, и кинул сыщику. Ванзаров поймал на лету, как заправский игрок в ручной мяч. Тесемки поддались ему с нежной покорностью. Содержимое мешочка было высыпано на ковер ровной кучкой. Дамские мелочи отодвинулись в сторону. Ванзарова заинтересовала зеленая книжечка.

– Некая Мария Остожская, балерина Императорского Мариинского театра, – сообщил Лебедев. – Балерины императорского балета – те же чиновники. А если к ней добавить мертвого члена Госсовета, интерес «охранки» обеспечен. Все-таки покушение на государственных личностей.

Из кучки бумажек, резинок, зеркальца и прочих нужных вещей появился неожиданный предмет.

– Вот как? Интересно, – сказал Ванзаров, разглядывая этот предмет. – Аполлон Григорьевич, хотите проиграть еще один обед?

– Полагаете, от наружной двери?

Ванзаров протянул ему найденный ключ.

– Что вам говорит опыт криминалиста?

– Тут и опыт не нужен: совсем новый, выточили недавно, еще блестит, царапин нет. При этом модель давнишняя.

– Я бы добавил: у бедной балерины не может быть такого дома, какой отпирается подобным ключом. Велик и тяжело-ват. Разве что у мадам Кшесинской... Убитая, кажется, не звезда?

– Какая-то мелочь из третьей линии кордебалета, – ответил Лебедев, считавшийся знатоком театра, особенно в части симпатичных балерин. – Имя ее на афишах не припомню. Ну, что, друг мой, все очевидно. Считаем, дело раскрыто. Утерли нос охранке. Можно арестовывать?

– Не стоит спешить, – ответил Ванзаров, пряча ключ. – Есть неясные моменты.

– Что за моменты?

– Один у вас за спиной... Да, вот за диваном. Была украдена картина с портретом матери господина Каренина. Что не очень вписывается в преступление. Вы бы занялись, а я пока с хозяином дома побеседую...

За новую задачу Лебедев взялся с жаром. Жадно схватив раму, он стал изучать ее при помощи увеличительного стекла. Наслаждаться его творческим порывом можно было бесконечно, но Ванзаров вышел в коридор и попросил вызвать Каренина.

Серж ощущал в душе вселенскую пустоту. Он прошел мимо знакомого пристава, даже не взглянув на него, и наткнул-

ся в кабинете на кучу мусора и криминалиста, терзавшего пустую раму. Все это было ужасным нарушением привычек и порядка. Но сегодня, после пережитого, он смотрел на беспорядок довольно равнодушно. Куда больше настораживало выражение лица Ванзарова. Серж уловил в нем скрытую опасность. И что-то такое недоброе, чего не было еще несколько минут назад, когда они сидели на ступеньках.

– Нашли какие-нибудь следы? – спросил он не слишком уверенно.

– Отчасти, – согласился Ванзаров. – Господин Каренин, какое оружие хранится у вас дома?

– На даче есть ружье для охоты, а здесь – револьвер.

Ванзаров попросил показать. Серж подошел к столу, отодвинул широкий ящик под столешницей.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он.

– Не можете найти? – спросил Ванзаров, как бы ненароком демонстрируя находку из вазы. – Случайно не этот?

Серж только молча кивнул.

– Благодарю вас. Трудно не узнать. Вещь приметная, перламутровые вставки, даже вензель имеется: «СК». Подарок?

– От сослуживцев на прошлый день рождения, – ответил Каренин. – Где вы его нашли?

Ванзаров хотел уклониться от ответа, но передумал.

– Убийство – большое испытание для нервов, – сказал он. – Многие не рассчитывают своих сил. Это только кажется, что убить просто. Нажал на курок – и все. Неопытные

люди на этом попадают. Сразу после преступления у них наступает состояние, близкое к панике и эйфории одновременно. Они плохо понимают, что и зачем делают. Совершают поступки, какие в нормальном состоянии никогда бы не совершили. То есть глупости. Это касается всех. Умные люди чаще всего делают самые элементарные ошибки.

Отодвинув кресло, Серж сел, положив руки точно на подлокотники.

– Вы меня подозреваете, – печально сказал он. – Тогда остается перейти на понятный вам язык. Мне не было смысла убивать своего отца потому, что я значительно богаче его. Дома, и этот, и загородный, давно переписаны на меня. У меня нет никакого мотива и причины убивать Алексея Александровича. Тем более что этот случай может нанести серьезный урон моему делу..

– Чем же вы зарабатываете на безбедную жизнь?

– Имею касательство к строительству железных дорог.

– Похвально, – сказал Ванзаров. – Как же быть с госпожой Остожской?

– Повторяю вам: я не знаю ее, – ответил Серж.

Лебедев, хоть и занимался рамой, слушал внимательно и не мог упустить такую промашку подозреваемого. Он хмыкнул презрительно и громко.

Серж перевел взгляд на криминалиста и кашлянул, привлекая его внимание.

– Господин Лебедев, безусловно, радуется, что я попал в

детскую ловушку. Но я понимаю, что с господином Ванзаровым не следует играть в игру «ах, про кого это вы упомянули?». Я понял, что он спрашивает о мертвой барышне. Внизу мы только о ней и говорили. Повторяю: я не знаю, кто она. И мне нет никакой выгоды, резона или желания убивать ее. Хуже объяснения с женой, как она оказалась в нашем доме и в нашей спальне, ничего быть не может.

Как нарочно, в коридоре послышался высокий голос хозяйки, которая отчитывала чиновников полиции, требуя ответа: по какому праву они явились в ее дом. Пристав Цихоцкий не решился пускаться в объяснения, а предоставил это право другим. Он лишь открыл перед дамой дверь. Надежда Васильевна вошла и, игнорируя присутствие Ванзарова и Лебедева, который терзал раму, сразу обратилась к мужу.

– Сергей Алексеевич, почему в доме полиция? – сказала она тоном, не требующим ответа. – И почему дверь в спальню закрыта. Что за странные шутки. Мне надо пройти.

Она вошла так быстро, что Ванзаров не успел ее удержать. А дальше последовало то, что должно было случиться. Раздался истошный женский визг. Надежда Васильевна выскочила, подобрав юбку и подпрыгивая на цыпочках, как будто увидела мышь. Серж попытался ее успокоить, она завизжала пуще, так, что пристав в коридоре зажал уши. С ней случилась истерика. Плохо понимая, что она говорит, Надежда Васильевна бросала обвинения в лицо мужу, что он привел в дом проститутку, что осквернил их ложе, что теперь ему не

отмыться, и тому подобное. Двое мужчин пытались как-то урезонить ее, а третий даже полез в походный чемоданчик за каплями успокоительного. Лекарства не понадобились. Надежда Васильевна осеклась, тяжело отдышалась и посмотрела на мужа мутным, но вполне осмысленным взглядом.

– Ноги моей не будет в этом доме, – сказала она. – Я немедленно уезжаю в Петергоф. Извольте вызвать извозчика.

Она вышла, не слушая робких оправданий Сержа. Так и не догнав жену, он вернулся, снова сел в кресло и схватился за подлокотники.

– Видите, что стряслось... – говорил он, словно Ванзаров был причиной его несчастий. – Надеюсь, теперь понимаете? Боюсь вообразить, чем все это кончится для моей семьи. Только об одном прошу вас: постарайтесь избежать огласки, насколько это возможно.

Ванзаров ничего не мог и не стал обещать. Он вызвал пристава, разрешил ему заняться протоколом и потребовал вызвать фотографа. Снимки непременно нужны. Закрутилась обычная суета заведения дела. Лебедев, оставив раму, подошел к столу и стал что-то выискивать среди письменных принадлежностей, остановился на ноже для бумаг и отошел с ним к чемоданчику. Ванзаров, не вмешиваясь в дела участка, занялся изучением книжных корешков. О Каренине, кажется, забыли окончательно. Он покорно смотрел на чужих людей, хозяйничающих у него столь бесцеремонно. Ничего

другого ему не оставалось.

До следующей встречи у Мити было времени достаточно, чтобы заехать в гостиницу «Англия», где проживала его сестра. Ольга встретила его заспанной, словно утро для нее начиналось после полудня. Но все же предложила брату чаю, Митя отказался и стал расспрашивать, что слышно о новой роли. По осени в императорском Мариинском театре, где она служила, ожидалась премьера нового балета композитора Глазунова. Ольга мечтала получить там главную партию. После этого можно рассчитывать на статус примы. А это совсем не то, что выходить в эпизодах и танцах. Беда была в том, что на эту партию было слишком много охотников. Но ее покровитель обещал все устроить.

Митя был не слепой, он знал, что за такой номер надо платить деньги, которых у сестры не было. Да и покровительство в балете не дешево обходится. Он только не хотел допускать до себя мысль, что его любимая сестра попросту содержанка. Если бы кто-то сказал ему такое, Митя полез бы в драку. Сам же знать не хотел, кто этот покровитель Ольги. Ни имени, ни фамилии, ни того факта, что он вообще существует. Его устраивал молчаливый договор с сестрой: об этом ни ползвука.

Выговорив тревоги и ожидания, Ольга спросила об отце. Константин Дмитриевич Левин, как только узнал, что дочь

его поступила в балет, отказался знать ее, чуть не проклял. Как видно, Левин пребывал в неведении, на какие средства балерина позволяет себе номер в дорогой гостинице.

Митя честно признался, что отец пока не сдвинулся ни на шаг в своем упрямстве. Но он с ним попробует поговорить еще раз. Как, впрочем, и с нужными людьми, что помогут в назначении на роль. Ольга удивилась, что брат может быть полезен в таком тонком вопросе. Он клялся все устроить. Обняв сестру и обещав передать от нее привет матери, Митя вышел из номера. Спустившись в холл гостиницы, он задержался, чтобы взять свежую газету. Уже направляясь к дверям, он вдруг остановился, заметив девушку в строгом скромном платье. Она только чуть взглянула на него и прошла мимо. Но этого было достаточно: Митя остолбенел.

У девушки были черные волосы, спокойное, чуть бледное лицо и капельку полноватая фигура без других недостатков. Но не это так поразило его. Мите показалось, что это лицо он где-то видел, только не может вспомнить, где. Что-то такое в нем было, отчего его сердце вдруг забилося и не могло остановиться. Ему показалось, что он давно знает эту незнакомку и мечтал с ней встретиться. Митя тут же нафантазировал самое бурное продолжение мимолетной встречи. Но в одном он теперь был уверен: он найдет ее и познакомится во что бы то ни стало. Это так просто: он же знает, где она живет.

Аполлон Григорьевич любого мог задавить авторитетом, опытом и статистической достоверностью. Только с одним человеком он не мог справиться. Человек этот был столь упрям и несговорчив, что не соглашался верить предположениям, даже самым надежным, а требовал непременно фактов. Да таких, что можно потрогать руками. Эта вредная и беспокойная личность поселилась в нем так давно, что он смирился, лишний раз стараясь ее не дразнить. Хотя он знал заранее, что прав и проверять не имеет смысла, все равно шел на поводу у собственной слабости. И заставлял покоряться ей других.

Поманив Ванзарова, который занимался какой-то ерундой, он предложил спуститься в швейцарскую и убедиться, что ключ подходит к двери. Не встретив большого желания, он стал убеждать, что в такой важнейшей улике нельзя ошибиться. А вдруг ключ не тот? Тогда рушится стройная система доказательств. И не надо ссылаться на опыт. Мало ли что, даже гений может ошибиться. Оттого, что ключ новый, не значит, что он подходит к двери именно этого дома. Зная, что в такие моменты убеждать Лебедева бесполезно, Ванзаров предпочел согласиться.

Они вышли из кабинета, не беспокоя пристава, занятого составлением протокола, для чего тяжелая полковничья рука

приспособлена была неважно. Каренин проводил их долгим взглядом, не понимая, куда это господа решили улизнуть с таким выражением на лицах, словно приближаются к важнейшей разгадке. Тревога, горячившая его сердце, разгоралась все сильнее.

В швейцарской было темно и душно. Василий Лукич сидел на топчане, покрытом старым ковром, и вел долгую и обстоятельную беседу, конца которой не было видно. Он рассказывал свою жизнь тем, кого когда-то знал и кого уже давно нет, а он вот все живет и живет, и теперь должен давать отчет. Он жаловался, что набежало народу столько, что и дома уже мало, рассказывал, как ему тут одиноко, сами господа уехали на дачу, а старика тут оставили. О многом он говорил. С ними было хорошо поговорить. Они приходили и уходили, сменяя друг друга. Разные были лица, многих на своем веку повидал. Когда же заметил важных господ, занявших собой почти всю каморку, он обрадовался, решив, что это за ним послано, пришел, значит, его час. Оба такие важные, все в черном, как есть за ним. Ну, вот и дождался. Василий Лукич уже собрался прочесть молитву на дальнюю дорожку, когда разобрал, о чем его спрашивают.

– Какой ключ? – спросил он растерянно. Неужели и там с него ключи будут требовать? Там свои ключники имеются. Не могут же его на их место определить. Нет у него таких заслуг, грешен и недостоин.

– Где ключ от входной двери? – проговорил Ванзаров как

можно мягче.

Василий Лукич разобрал, что маленько поспешил и это всего лишь посторонние незнакомцы. И как в дом пробрались?

– А вы кто такие будете? – спросил он, все-таки швейцару не пристало чужим без спросу ключи выдавать.

– За твоей душой посланы, старик! – прогрохотал Лебедев страшным образом. – Не ответишь всю правду, сволочем в геенну огненную! Отвечай, где ключ!

– Аполлон Григорьевич, вы бы полегче, – попросил Ванзаров. – Так где же ключ?

Василий Лукич кивнул на облезлый шкафчик.

– Вон висит, куда ему деться.

Почерневший от долгого употребления ключ Лебедев приложил к тому, что нашелся в мешочке балерины. Зубчики пришлись один в один. Криминалист был счастлив. И вредная личность внутри него совершенно успокоилась.

– Торжествуйте, коллега. Ключик к преступлению найден, да! – заявил он.

Ванзаров предоставил ему еще один, использованный до черного налета.

– Сравните заодно и этот.

– Где нашли? – Аполлон Григорьевич собрался проверить зубчики лучшим из инструментов: своим глазомером.

– В кармане пиджака убитого Каренина. Там еще один был, но мне этот приглянулся.

– Ну, конечно. Зачем ждать эксперта, мы сами полезем в карманы жертвы, – приговаривал Лебедев, сощуривая глаза поочередно. – А я понять не могу: как это почтенный старик в дом пробрался. Неужто по водосточной трубе залез? Оказывается, все просто: мой юный друг запросто утащил улику... Забирайте, не хочу ее видеть. И так все ясно.

Глазомер указал без сомнений: все три ключа подходят к одному замку.

Ванзаров нагнулся к старику, чтобы тот лучше слышал.

– Вчера вечером кто в дом приходил?

– А никого и не было, один я тут сидел. Все уехали, меня оставили, – ответил Василий Лукич и добавил: – Спать лег. А когда утром Сергей Алексеевич прибыли с супругой, им открыл, как полагается. А чужих не было. Все тихо и спокойно, слава богу! Мы свою службу знаем, которой год в швейцарах.

Лебедев стал делать нетерпеливые знаки, дескать, и так все ясно, делать тут нечего. Возражать Ванзаров не стал. Они вышли в прихожую как раз вовремя, чтобы увидеть спину Надежды Васильевны, скрывающейся за парадной дверью. Дама была столь возбуждена, что сама несла портплед и шляпную коробку. Стремительный отъезд не оставлял сомнений в ее душевном состоянии. Кажется, Каренину предстоит тяжелые времена.

– Вы-то что задумчивы, коллега! – спросил Аполлон Григорьевич, легонько ткнув Ванзарова локтем в бок. – Дело-то

пустяковое.

– Не готов согласиться прямо сейчас, – ответил Ванзаров, подергивая ус.

– А не желаете провести эксперимент? – спросил Лебедев, изображая пальцами стреляющий револьвер.

– Хотите засадить в Каренина оставшиеся два патрона и посмотреть, что с ним будет?

– Интересная мысль, но результат мне известен. А вот есть другая цель: установить, насколько в швейцарской слышны выстрелы. Сделаем так. Я сейчас пристава попрошу пальнуть раза два-три из его табельного оружия, а мы с вами в швейцарской и послушаем. Хозяин не будет против, ему не до того. Давайте, жутко интересно!

– Не вижу смысла. Если мы что-то услышим, это ничего не докажет. Швейцар спал, к тому же он туговат на ухо. Что с картиной?

– Наверняка скажу только после лаборатории, – ответил Лебедев. – Но думаю...

– Ее вырезали ножом для бумаг. Так?

Лебедев изобразил нечто вроде взмаха платком.

– Аполлон Григорьевич, вы случайно не забыли сообщить мне какую-нибудь несущественную мелочь?

Криминалист изобразил глубокое изумление и полную невинность.

– Ну, если желаете испортить уже раскрытое дело, – сказал он. – Тогда должен сообщить: между смертью балерины и

пожилого господина прошло не меньше трех часов.

– Балерина Остожская убита около десяти вечера, – начал Ванзаров.

Лебедев подтвердил этот факт, хотя сделал это без всякого энтузиазма.

– В таком случае старый Каренин был убит глубоко за полночь?

– Или немного позже, – согласился Аполлон Григорьевич.

– А вы молчали? – спросил Ванзаров столь вежливо, что криминалист окончательно погрузнел.

– Ну, зачем вам осложнения, и так ведь все очевидно, – все же попытался оправдаться он.

– Это не осложнения. Это другая картина преступления. Совершенно другая. Аполлон Григорьевич, я не верю своим глазам. Как вы смогли? Зачем?

На этот вопрос Лебедев и сам ответить бы не мог. Какая-то невероятная глупость, – ему так захотелось Ванзарову с блеском, не сходя с места, раскрыть двойное убийство, что заставил себя не замечать очевидное.

– Надеюсь, больше не припасли сюрпризов? – спросил Ванзаров.

Лебедев печально крикнул, признавая собственную промашку и тем прося снисхождения.

В прихожую спустился Серж. Он был застегнут на все пуговицы и старался изо всех сил держаться с достоинством, при этом часто-часто сжимая и разжимая пальцы.

– Арестуйте меня уже сейчас? – спросил он.

Ванзаров не видел в этом необходимости. Серж не пове-
рил такому чуду, он готовил себя к тюремным казематам.
Ничего иного от беспощадного чиновника полиции он и не
ждал. Внезапное избавление лишило сил. Серж оперся о пе-
рила лестницы и попытался сохранить лицо. Выходило у
него неважно.

– Надежда Васильевна только что уехала, – сообщил Ван-
заров.

– Она не стала со мной разговаривать, – ответил Серж. –
Что будет с нашей семьей...

– Вам следует привести себя в порядок и немного отдох-
нуть. Выкурите хоть сигару. О телах не волнуйтесь, пристав
распорядится.

– Мне тяжело тут оставаться. Поеду к себе в контору, там
хоть люди...

Ванзаров спросил адрес. Товарищество «Борей», кото-
рым владел Каренин, снимало этаж на Невском проспекте,
недалеко от Гостиного двора. Серж извинился и ушел на-
верх.

– Надо бы дом осмотреть, – сказал Лебедев, намекая, что
готов загладить вину таким нудным и бесполезным делом.
Но от этой провинности его тут же освободили. Никакого
смысла тратить время и силы на обыск во множестве комнат
не было.

Торопливым шагом спустился пристав. Он доложил, что

составление протокола закончено, фотограф прибудет вот-вот, также вызвана санитарная карета. Цихоцкий должен был добавить еще кое-что, но никак не решался и мялся. Ему стало немного стыдно перед Ванзаровым, что он должен исполнять служебные предписания. Стыд этот был не так чтобы силен, скорее придерживал пристава за язык. И все же он должен был.

– Господин Ванзаров, прошу прощения, я понимаю, что делом занимаетесь лично вы, – кое-как начал он. – И даже вот господин Лебедев приехал, тут, уж конечно, вам бы и карты в руки, но вы же понимаете, что такое дело...

– Пристав, убит государственный чиновник в отставке и балерина императорского театра. Вы обязаны как можно скорее известить об этом Охранное отделение и оказать им всяческую помощь, если потребуется, в раскрытии данного преступления. Исполняйте немедленно.

Ванзаров спас Цихоцкого от мучений, за что тот был душевно признателен. Хотя на душе у пристава неприятный осадок остался. И ведь ничего дурного не сделал. И все же...

Чтобы найти, где живет балерина кордебалета, не требовалось стучаться в императорский театр, просить, упрашивать, отвечать на ненужные вопросы, терять время на получение разрешения от театрального начальства и тому подобные прелести учреждения, имевшего слишком близкие отношения с высшей властью. Так что театральные чиновники обрели своеобразное мнение: им казалось, что они владеют неограниченными правами при полном их отсутствии у всех прочих. Для полиции исключения не делалось.

Куда проще достать сведения из адресного стола, где регистрировался каждый, проживающий в столице. Ванзаров имел полное право вернуться в сыскную, направить запрос и получить ответ дня эдак через три. Но для этого он слишком спешил. Не поленился съездить на извозчике и уже через четверть часа имел на руках выписку. Балерина проживала в Коломне, от которой было рукой подать до ее театра.

Соблюдая форму, Ванзаров потребовал у дворника дома вызвать околоточного⁴, который прибежал со всех ног, узнав о сыскной полиции. Втроем они отправились на последний этаж доходного дома. Хозяйка, у которой Остожская снимала комнату, была напугана таким визитом, поэтому была

---

⁴ Околоточный надзиратель – нижний чин участка полиции, отвечал за околотов, т. е. несколько домов.

очень любезна. Сразу нашелся запасной ключ от комнаты. Ванзаров отпер замок в присутствии дворника и околоточного. Попросив их подождать, он вошел один.

Балерина не особенно заботилась о порядке. Вещи и платья находились там, куда их бросили. Дверца шкафа безвольно распахнута, в глубинах его виднелся исключительный хаос. Постель не застелена, одеяло наполовину лежало на полу. На туалетном столике среди обрывков бумажек, невероятного количества склянок, баночек и россыпи дешевых украшений можно было спрятать что угодно. Кресло тоже использовалось как вешалка и место хранения дамского гардероба. Судя по засохшим корочкам хлеба с сыром, питалась балерина как птичка. Стены украшали не картинки и фотографии, а полинялые афиши. Подоконники были уставлены цветочными горшками, из которых торчали давно засохшие прутики. Пахло в комнате смесью пудры, духов и чего-то особо женского, что нельзя объяснить, но каждый холостой мужчина сразу узнает. В квартиру Остожская возвращалась только для того, чтобы поспать и привести себя в порядок, надеясь в скором времени перебраться в апартаменты, достойные ее.

Хозяйка вспомнила, что вчера, около пяти вечера, к Остожской прибежал какой-то посыльный, который принес конверт обычного размера, без подписи, но запечатанный. Откуда он взялся и где его найти, она не знала. Вроде бы первый попавшийся на улице мальчишка заработал пятак или гривенник. Разговорчивая дама тут же сообщила, что Остожская письму чрезвычайно обрадовалась, — так, что даже пела у себя и в коридоре. Убежала она около шести, ска-

зав, что на спектакль торопится. Еще предупредила, чтоб ее не ждали и дверь запирали. Вернется только под утро. До сих пор не вернулась, видно загуляла. С кем и где, хозяйка достоверных сведений не имела, что ее очень расстраивало. Остожская, хоть и была легкомысленной стрекозой, но о кавалерах и прочих романтических чувствах говорить не любила. Даже рта не раскрывала. Только посмеивалась, обещая, что вскоре съедет с этой неудобной квартирке и поселится в роскошном номере лучшей гостиницы. В этом она была совершенно уверена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.